И. М. Катаевъ.

СМУТА ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ И ОТРАЖЕНІЕ ЕЯ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Изданіе третье съ рисунками.

2-е изданіе одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендовано для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и народныхъ библіотекъ и читаленъ.

МОСКВА. — 1916.
Книгоиздательство „ШКОЛА".
Спиридоновка, д. 14.

Книгоиздательство „ШКОЛА“.

Москва, Спиридоновка, д. 14. Телеф. 7—57.

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ СКЛАДА

АЛЕКСѢЕВЪ, В. Земскіе соборы древней Руси. Изд. 3-е. М. 1915 г. Ц. 15 к.

А. АЛФЕРОВЪ, А. ГРУЗИНСКІЙ, Ѳ. НЕЛИДОВЪ, С. СМИРНОВЪ. Десять чтеній по Литературѣ. Изд. 1915 г. Ц. 1 р.

Безъ перемѣнъ съ перваго, *рекомендованнаго* Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній, учительск. инстит. и семинарій, для учительск. библіотекъ низшихъ школъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ, а также для наградъ учащимся.

А. АЛФЕРОВЪ и А. ГРУЗИНСКІЙ. Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы. Курсъ средней школы. Изд. 10-е. М. 1915 г. Ц. 35 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія старшаго возраста библіотеки. Вѣдомствомъ Императр. Маріи рекомендовано для того же употребленія.

АЛФЕРОВЪ, А. Родной языкъ въ средней школѣ. Опытъ методики. Изданіе 3-е иллюстрировано. Съ приложеніемъ: а) темъ для сочиненій и бесѣдъ, б) текстовъ ученическихъ сочиненій и в) краткаго списка книгъ. М. 1916 г. Ц. 1 р. 70 к.

Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ пособія для учительскихъ институтовъ и семинарій и для VIII педагогич. клас. женскихъ гимназій, а равно и въ учительскія библіот. низшихъ училищъ.

БУЛГАКОВА, Е. Герои и подвижники смутнаго времени. Изд. 2-е. М. 1914 г. Ц. 30 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено во второмъ изданіи въ учен. библ. низш. учеб. завед. и безплат. нар. библ. и читальни.

БѢЛОУСОВЪ, М. Моимъ дѣткамъ. Разсказы и стихи. Изд. 4-е, съ рисунками А. Нечаева. М. 1914 г. Ц. 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущено въ первомъ изданіи въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ВОЛКОВА, Е. Первая фабрика на Руси. Изд. 6-е. М. 1914 г. Ц. 30 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ библіотеки низш. учеб. завед. и безплат. народныя библіотеки и читальни.

— **Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время.** Историческій очеркъ (1625—1682 гг.). Изд. 4-е. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній, для сельскихъ и народныхъ библіотекъ.

ДАНИЛИНЪ, И. Гаврюшка. Разсказъ. Изд. 2-е. М. 1913 г. Ц. 10 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Домби и сынъ. Передѣлано для дѣтей средняго возраста *А. В. Архангельской*. Изд. 7-е, съ рисунками. Ц. 50 к.

Допущено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ библ. низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— **Дѣтство и приключенія Давида Копперфильда младшаго.** Составлено для дѣтей средняго возраста *А. Архангельской*. Изд. 5-е, съ иллюстраціями. Ц. 65 к.

Мин. Нар. Просв. допущено въ ученич. библіотеки низш. училищъ.

ЕРМИЛОВЪ, В. Святитель Тихонъ Задонскій. М. 1906 г. Ц. 5 к.

Мин. Нар. Просв. допущено въ библ. низшихъ училищъ.

И. М. Катаевъ.

СМУТА ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

и

ОТРАЖЕНІЕ ЕЯ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Изданіе третье съ рисунками.

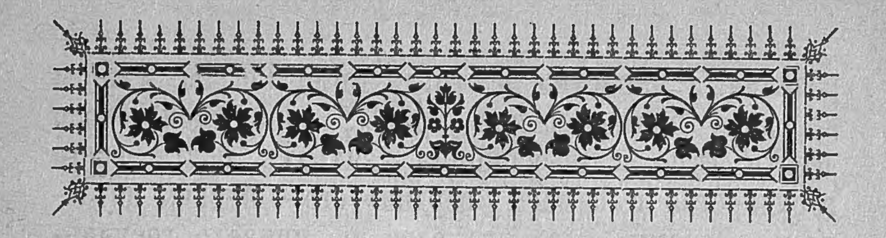
---

2 е изданіе одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендовано для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и народныхъ библіотекъ и читаленъ.

МОСКВА. — 1916.
Книгоиздательство „ШКОЛА".
Спиридоновка, д. 14.

Типографія Вильде, преемн. К. К. Гаусманъ, Брестскій пер., д. № 2.

Оглавление.

Смута Московскаго государства и отраженіе ея въ Нижнемъ-Новгородѣ.

I.

Передъ смутой.

Много потрясеній пережило Русское государство за время своего тысячелѣтняго существованія. Эти потрясенія вызывались тяжелыми условіями русской исторической жизни съ самыхъ давнихъ временъ: то нападеніемъ опаснаго и жестокаго врага, то нестроеніями внутренней жизни, государственной и общественной.

Но врядъ ли Россіи пришлось переживать что-либо подобное тому, что случилось на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, въ эпоху Смутнаго времени,— «великой разрухи Московскаго государства». По выраженію современника, «тмочисленныя бѣды и

различныя напасти» постигли тогда Россію. Ужасы кровавой междоусобной войны, длившейся около десяти лѣтъ, самозванщина, захватъ почти всего государства и самаго «сердца» его—Москвы внѣшними врагами,—все это едва не привело государство и народность къ полной гибели. И только въ этотъ послѣдній критическій моментъ проснувшееся въ русскихъ людяхъ чувство народнаго и религіознаго единства заставило ихъ сплотиться для защиты родины и возстановленія гражданскаго порядка. Крупную роль въ этомъ послѣднемъ народно-патріотическомъ движеніи сыграли Нижній-Новгородъ и нижегородцы. Имъ по праву принадлежитъ видное мѣсто на одной изъ замѣчательныхъ страницъ русской исторіи.

Нельзя сказать, чтобы бѣдствія Смутнаго времени пришли внезапно, чтобы никто не ожидалъ надвигавшейся бури. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно заглянуть въ произведенія книжныхъ людей второй половины XVI в., жившихъ наканунѣ Смуты. Несмотря на то, что Московская Русь не отличалась образованностью, отъ этой эпохи сохранилось нѣсколько интересныхъ произведеній, въ которыхъ говорится о политическихъ и общественныхъ порядкахъ того времени. Авторы этихъ произведеній полны мрачныхъ и тяжелыхъ предчувствій относительно ближайшаго будущаго. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ одинъ, оставшійся неизвѣстнымъ, авторъ сочиненія, подъ заглавіемъ «Бесѣда Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотвор-

цевъ», влагая въ уста этихъ чудотворцевъ пророческое предсказаніе:

— «И того ради настанутъ послѣднія времена, люди будутъ испытывать напрасныя бѣдствія, начнутся частые голода, моровыя повѣтрія... междоусобныя брани и войны, гибель городовъ, смятеніе и ужасы въ царствѣ; запустѣютъ волости, села, дома христіанскіе... Цари на своихъ престолахъ царскихъ не смогутъ удержаться и часто будутъ смѣняться за свою царскую простоту, за иноческіе грѣхи и за мірское невоздержаніе».

Такъ же мрачно на современную ему дѣйствительность смотритъ знатный бояринъ, кн. Андрей Курбскій, стоявшій одно время очень близко къ царю Ивану Грозному, но потомъ поссорившійся съ своенравнымъ царемъ и отъѣхавшій отъ него въ Литву. Оттуда Курбскій написалъ Грозному рядъ писемъ, въ которыхъ онъ съ осужденіемъ разбиралъ политику Грознаго, въ особенности его враждебное отношеніе къ боярству. Въ одномъ своемъ письмѣ—посланіи «Къ нѣкоему Ивану Многоученому» (Ивану Грозному), Курбскій такъ описываетъ состояніе государства: всѣ страждутъ, всѣмъ тяжело жить. Власти державныя, на власть отъ Бога поставленныя, «да судомъ праведнымъ подвластныхъ разсудятъ и въ кротости и милости державу управятъ», вмѣсто того «свирѣпѣе звѣрей—кровоядцевъ обрѣтаются». Воины разорены,— многіе изъ нихъ не имѣютъ не только коней и оружія ратнаго, но и дневной пищи. Купечество и

земледѣльцы страждутъ отъ непомѣрныхъ даней и отъ немилостивыхъ приставовъ. Земледѣльцы бѣгутъ изъ своего отечества или продаютъ своихъ чадъ въ вѣчную работу; иные налагаютъ на себя руки, вслѣдствіе многихъ горестей. Курбскій угрожаетъ царю скорою погибелью «со всѣмъ домомъ» за то, что онъ пустошитъ землю свою и губитъ своихъ подданныхъ.

Кн. Курбскій, сильно раздраженный противъ преслѣдовавшаго его грознаго царя, можетъ быть, былъ склоненъ представлять дѣло чернѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Но вотъ предстоящее Московскому государству потрясеніе предрекаетъ иностранный наблюдатель, англичанинъ Флетчеръ, побывавшій въ Москвѣ въ концѣ 80-хъ г.г. XVI ст. и издавшій въ Англіи книгу о Россіи. Наблюдая происходившія на его глазахъ событія русской жизни, Флетчеръ приходитъ къ заключенію, что политика Грознаго и его «варварскіе» поступки такъ потрясли все Русское государство и до того возбудили всеобщій ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно кончиться не иначе, какъ междоусобіемъ.

Такъ темныя стороны русской жизни XVI в. не остались незамѣченными наблюдательными современниками. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Московское государство въ XIV—XVI в.в. достигло крупныхъ внѣшнихъ успѣховъ. Маленькое когда-то удѣльное княжество Ивана Калиты за два съ половиной вѣка выросло въ обширное государство,

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

объединивъ подъ властью московскихъ князей разрозненныя удѣльныя княжества Великороссіи; оно успѣшно повело борьбу съ давнимъ врагомъ Руси—татарами, сбросило съ себя позорное татарское иго и начало наступательную борьбу противъ татаръ, перенесенную даже въ концѣ XVI в. изъ предѣловъ Европейской Россіи въ Азію. Не безъ успѣха Москва вела борьбу и съ давнимъ своимъ соперникомъ на Западѣ — Польско-Литовскимъ государствомъ. Въ XVI в. западно-европейскія государства должны были уже считаться въ международныхъ отношеніяхъ съ внушительной силой, выроставшей на востокѣ Европы.

Но эти внѣшніе успѣхи были куплены дорогой цѣной страшнаго напряженія народныхъ силъ въ борьбѣ съ напиравшимъ со всѣхъ сторонъ врагомъ. Внутри страна развивалась очень медленно. Тѣ скудныя силы и средства, которыми она располагала, настолько неумѣренно расходовались для внѣшней борьбы, что это повело, въ концѣ-концовъ, къ надрыву государственнаго организма, къ истощенію и разоренію народа, а затѣмъ — и къ глубокому недовольству съ его стороны. Это недовольство, вражда общественныхъ классовъ, направленная противъ сложившагося государственнаго порядка и другъ противъ друга, и послужила главной причиной, подготовившей взрывъ междоусобія въ Смутное время. Чтобы яснѣе представить себѣ это, мы бѣгло познакомимся съ государственнымъ

и общественнымъ строемъ Московскаго государства, какъ онъ сложился въ XVI в.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ и расширеніемъ Московскаго государства въ XIV—XVI в.в., росла сила и власть московскаго вел. князя, превратившагося постепенно въ государя и царя всея Руси. Въ лицѣ Ивана III, Василія III и, наконецъ, Ивана IV Грознаго она становится неограниченной, самодержавной. Особо яркимъ выразителемъ самодержавія былъ Иванъ Грозный Свои взгляды на верховную власть Грозный высказалъ въ перепискѣ съ извѣстнымъ уже намъ кн. Курбскимъ. Россійскіе государи суть самодержцы Божіимъ изволеніемъ. Государство есть вотчина его владыки. Только одному Богу царь даетъ отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Неповиновеніе царю—есть неповиновеніе Богу. Поэтому подданные царя—повинные ему рабы, обязанные царю «безсловесно смирятися». «Жаловати своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны же»,—вотъ какъ высоко Грозный ставилъ свою власть. Цѣлью его жизни сдѣлалось охраненіе самодержавной власти и борьба со всякими, дѣйствительными и мнимыми, поползновеніями къ ея ограниченію. Главнымъ врагомъ своимъ въ этомъ отношеніи Грозный считалъ боярство. Нѣкоторый поводъ для этого былъ.

Въ XV-XVI вв. въ средѣ московскаго боярства оказалось много «княжатъ»—бывшихъ удѣльныхъ князей и ихъ потомковъ. Присоединеніе удѣловъ къ Москвѣ превратило этихъ, нѣкогда независимыхъ

владѣтелей, въ слугъ московскаго государя. Княжата навсегда отказались отъ возстановленія былой независимости: ни одной подобной попытки не было въ XV-XVI вв. Но зато они, собравшись въ Москвѣ и окружая тронъ московскихъ государей, обнаружили желаніе занять положеніе высшаго правительственнаго класса, члены котораго могли бы занимать высшія мѣста въ государствѣ, при томъ не по милости или пожалованію отъ государя, а по самому происхожденію, «по отечеству», какъ говорили тогдашніе московскіе люди. Такія требованія боярства особенно ясно были высказаны, какъ кн. Курбскимъ, въ перепискѣ его съ Грознымъ, такъ и составителемъ «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ»; оба они настойчиво указывали, что царь во всемъ долженъ совѣтоваться со своими боярами.

Но въ этомъ пунктѣ какъ-разъ и столкнулись интересы княжескаго боярства и самодержавной власти. Въ ту пору, когда она еще недостаточно окрѣпла, московскіе князья пользовались услугами и помощью боярства и держали ихъ въ почетѣ. Но, по мѣрѣ усиленія власти московскихъ государей, отношеніе ихъ къ боярству измѣнилось. Иванъ III началъ обращаться съ боярами гордо и неприступно, хотя и не нарушалъ еще обычая совѣтоваться съ боярами въ дѣлѣ управленія государствомъ. Василій III еще менѣе стѣсняется съ боярами.

Но настоящую борьбу, не на жизнь, а на смерть, открылъ противъ бояръ царь Иванъ Грозный. Для

этого онъ придумалъ особую, чрезвычайную, мѣру—опричнину. Дѣло произошло такъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1564 г. царь внезапно бросилъ Москву, всѣ дѣла государственнаго управленія и уѣхалъ въ Александровскую слободу (теперь г. Александровъ, Владимірской губ.). Затѣмъ, когда напуганное населеніе столицы обратилось къ нему съ челобитьемъ о возвращеніи, царь вернулся, но съ тѣмъ, чтобы ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣнія ихъ брать въ казну и учредить себѣ въ государствѣ «опричнину». Подъ опричниной разумѣлся какъ бы особый царскій удѣлъ, которымъ царь желалъ управлять совершенно единолично и произвольно. Въ составъ опричнины должны были войти особый царскій дворъ, особые бояре, приказные люди, дворяне и стрѣльцы. Всѣ они получили названіе опричниковъ. Выдѣлены были особыя улицы въ Москвѣ, особые города и волости въ управленіе опричнины; количество ихъ постепенно увеличивалось и достигло до половины всего Московскаго государства. Все остальное государство названо было «земщиной»; управленіе и судъ въ немъ должны были вѣдать «земскіе» бояре, дьяки и приказные люди «по старинѣ». Впрочемъ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ бояре должны были докладывать царю и безъ него, на самомъ дѣлѣ, ничего не могли предпринять.

Такова была внѣшняя сторона опричнины. Но главной, затаенной до поры-до-времени, цѣлью

Грознаго было—подорвать посредствомъ опричнины значеніе боярства. Съ одной стороны, онъ наносилъ ударъ хозяйственной мощи бояръ: многія старинныя вотчины *), которыя составляли источникъ ихъ силы и богатства и которыми они владѣли еще со временъ удѣльныхъ, были отписаны на государя, перешли въ разрядъ дворцовыхъ земель; а еще болѣе вотчинъ бояре потеряли подъ Москвой и въ тѣхъ уѣздахъ, которые были взяты въ опричнину. Затѣмъ, Грозный принялся за самихъ бояръ лично. Бояръ, которые чѣмъ-либо навлекли на себя подозрѣніе царя, по его тайному приказанію, опричники хватали и привозили въ Александровскую слободу, гдѣ царь любилъ теперь проводить время съ опричниками. Здѣсь опальныхъ бояръ обвиняли въ измѣнѣ и «судили»; подвергали мучительнѣйшимъ пыткамъ, заставляли наговаривать на себя разныя небылицы и, затѣмъ, казнили.

Такъ Грозный расправился съ боярствомъ: онъ истреблялъ съ лица земли не только отдѣльныхъ бояръ, но и цѣлыя боярскія фамиліи.

Легко представить себѣ раздраженіе и ропотъ, которые были вызваны въ боярствѣ чрезвычайно жестокими мѣрами Грознаго. Уже однимъ этимъ Грозный подготовилъ дѣятельныхъ участниковъ Смуты. Но раздраженіе боярства усиливалось еще другими обстоятельствами,—тѣми невзгодами, кото-

---

*) Вотчинами называли имѣнія, находившіяся въ полномъ владѣніи служилыхъ людей; вотчины передавались по наслѣдству.

рыя въ XVI в. боярству пришлось испытать въ хозяйственномъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ боярство столкнулось съ самодержавной властью московскаго государя. Во второмъ случаѣ обнаружилась рознь и борьба интересовъ боярской аристократіи съ другими классами населенія, служилыми и неслужилыми.

Въ первой, а въ особенности, во второй половинѣ XVI в. землевладѣльческое хозяйство переживало тяжелый переломъ вслѣдствіе отлива крестьянскихъ рабочихъ рукъ и большой задолженности. Тяжесть крѣпостной неволи, развивавшейся все сильнѣй и сильнѣй, съ одной стороны, а съ другой—пріобрѣтеніе Московскимъ государствомъ обширныхъ незаселенныхъ еще земель на югѣ и юговостокѣ, побуждали крестьянъ бѣжать изъ центра на окраины, которыя привлекали къ себѣ неистощенной почвой, обиліемъ нетронутыхъ еще охотничьихъ, пчелиныхъ и рыбныхъ угодій. Населенныя прежде села и деревни въ московскомъ и въ другихъ центральныхъ уѣздахъ превращались въ «пустоши»; боярская земля теряла рабочія руки, а землевладѣльцы лишались съ нея дохода, бѣднѣли и разорялись. Между тѣмъ, военная служба, боевое вооруженіе, затраты на обстановку придворной и домашней жизни требовали значительныхъ денежныхъ расходовъ. Чтобы достать денегъ, бояринъ-вотчинникъ закладывалъ свое имущество, а чаще всего—свою вотчину. Самымъ богатымъ капиталистомъ, у котораго всегда можно было пере-

хватить ссуду, былъ монастырь. Монастырь и прибиралъ боярскія вотчины къ своимъ рукамъ. Туда же, въ монастырь, набожные московскіе люди дѣлали вклады «на поминъ души» недвижимымъ имуществомъ,—селами и деревнями, съ жившимъ на нихъ крестьянскимъ населеніемъ. Такимъ путемъ, во владѣніи монастырей скоплялась огромная масса вотчинныхъ земель. Монастырь богатѣлъ. Боярскія же вотчины таяли и пустѣли. Боярство не скрывало своего раздраженія противъ богатыхъ духовныхъ вотчинниковъ, которые были къ тому же и политическими противниками боярства, усердно поддерживая московскихъ государей въ ихъ стремленіи къ неограниченному самодержавію.

Земля была главнымъ предметомъ спора между богатымъ духовенствомъ и крупнымъ боярствомъ. Но послѣднему пришлось также столкнуться съ средними и мелкими служилыми людьми, на этотъ разъ—изъ-за крестьянства, изъ-за рабочихъ рукъ. Положеніе дворянъ и дѣтей боярскихъ *) было очень незавидно, за свою обязательную постоянную военную службу, продолжавшуюся съ 15-ти лѣтняго возраста и до старости, они получали небольшія помѣстья **) и ничтожные денежные оклады, по

---

*) Такъ назывались средніе и низшіе чины служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ.

**) Помѣстья нужно отличать отъ вотчинъ. Такъ называли «участки казенной, государственной земли, данные государемъ въ личное владѣніе служилому человѣку подъ условіемъ службы, т.-е. какъ награда за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы» (Ключевскій).

тогдашнему счету въ 6—8—10 руб. въ годъ*). Но хорошо, если бы ихъ маленькія помѣстья сполна обработывались. Бѣда въ томъ, что на помѣстьяхъ въ 100, 150, 200 десятинъ рѣдко сидѣло больше 2—3 крестьянъ, которые могли распахать только небольшую часть помѣщичьей земли. Погоня за рабочими руками привела къ особому обычаю «своза» крестьянъ у однихъ владѣльцевъ другими. Заинтересованные въ этомъ владѣльцы подсылали особыхъ «отказчиковъ», которые подговаривали крестьянъ сосѣдняго помѣщичьяго села перейти къ ихъ господину, предлагая уплатить старому владѣльцу накопившіеся за ними долги и недоимки. Крупные вотчинники располагали для этого большими средствами, могли пообѣщать крестьянамъ больше льготъ по уплатѣ государственныхъ податей и пр. И вотъ мелкопомѣстнымъ служилымъ людямъ, лишавшимся послѣднихъ работниковъ, не оставалось ничего болѣе, какъ силой отстаивать свои интересы. Бои и грабежи обыкновенно сопровождали въ тѣ годы крестьянскій «отказъ» (т.-е. выходъ изъ помѣстья, который въ XVI в. еще не былъ совсѣмъ запрещенъ закономъ).

Мелкіе служилые люди съ ненавистью относятся къ вельможамъ—боярамъ. Одинъ служилый человѣкъ при Иванѣ Грозномъ, Ивашка Пересвѣтовъ, написалъ царю челобитную, въ которой въ такихъ

*) Нужно замѣтить, что цѣнность денегъ въ концѣ XVI в. была выше въ 25 разъ, чѣмъ въ настоящее время, т.-е. 1 тогдашній рубль равнялся нашимъ 25.

рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на родовитую аристократію. Онъ говоритъ, что нѣтъ правды въ царствѣ Московскомъ, такъ какъ силу и власть захватили въ немъ вельможи. «Вельможи русскаго царства сами богатѣютъ, имѣніе емлютъ, царство государя оскужаютъ (разоряютъ), и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ". Вельможи печалуются царю о кормленіяхъ, и о городахъ, и о намѣстничествѣ, «яко голодные псы, хистяся на слезы и на кровь христіанскую». Пересвѣтовъ совѣтуетъ царю, чтобы всѣ въ государствѣ возвышались по своимъ заслугамъ, а не по одному только происхожденію. Въ челобитнѣ Пересвѣтова слышится сильное раздраженіе мелкаго человѣка на аристократію— бояръ за то, что они, по его мнѣнію, захватили себѣ всю правительственную и хозяйственную силу.

Если такъ ухудшались отношенія между различными группами служилаго класса, то гораздо болѣе причинъ было къ обостренію отношеній между служилымъ и тяглыми классами, *)—посадскими (горожанами) и крестьянами. Раздача помѣстій служилымъ людямъ въ XVI в. шла съ необычайной быстротой. Огромныя земельныя пространства въ центральныхъ, южныхъ и западныхъ областяхъ были розданы въ помѣстное владѣніе. Служилые люди разныхъ названій, получая помѣстья въ уѣздахъ,

---

*) Тяглые люди, это тѣ, которые тянули тягло—платили подати.

въ городахъ отправляли гарнизонную службу, должны были имѣть здѣсь «осадные дворы» на случай прихода «воинскихъ людей»; такъ называемые—приборные служилые люди, стрѣльцы, пушкари, казаки и др., жили частью на посадѣ, частью—въ особыхъ слободахъ за посадомъ. Водвореніе служилаго люда въ городахъ и на посадахъ имѣло тяжелыя послѣдствія для коренного городского населенія. «Служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы и огороды, ихъ рынокъ и промыслы. Онъ выживалъ посадскихъ людей изъ ихъ посада, и посадъ пустѣлъ и падалъ... Старое городское населеніе разбредалось или же, оставаясь на мѣстѣ, разными способами выходило изъ государева тягла». Крестьянское населеніе въ уѣздѣ оказывалось сидящимъ на чужой землѣ. Обезземеленіе и задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ приводила къ крѣпостной зависимости со всѣми тяжелыми послѣдствіями подневольнаго труда.

Тяглое населеніе, свободное и несвободное, полно недовольства своимъ положеніемъ. Побѣгъ съ тягла (съ мѣста уплаты податей) и побѣгъ изъ-за помѣщика былъ обычнымъ средствомъ борьбы противъ угнетавшаго тяглыхъ людей порядка. Обширныя степныя пространства на южныхъ украйнахъ, «Польской» и Сѣверской, *) служили мѣстомъ пріюта для

*) «Польской» (полевой, степной) называлась южная украйна, которая тянулась на югъ отъ Тулы и Калуги между среднимъ и южнымъ Дономъ и Днѣпромъ. Сѣверная украйна, бывшая Черниговo-Сѣверская земля, лежала на юго-западѣ Московскаго государства, на границѣ съ Литвой.

всякаго рода бѣглыхъ людей. Тамъ они или поступали на службу къ тому же государству въ качествѣ «приборныхъ» служилыхъ людей, въ которыхъ правительство такъ нуждалось на окрайнахъ, или же шли въ вольные казаки. Казачество, сплошь состоявшее изъ людей недовольныхъ московскими порядками, выступило противъ этихъ порядковъ въ эпоху Смуты.

Большое зло въ общественномъ быту представляло холопство (рабство), существовавшее на Руси съ самыхъ давнихъ временъ. Въ эпоху Московскаго государства появился еще новый видъ холопства, это—кабальные холопы. Такъ назывались должники, давшіе на себя «служилую кабалу»—заемную расписку, по которой они вмѣсто уплаты отрабатывали проценты личнымъ трудомъ на дворѣ заимодавца. Такіе люди теряли свободу и становились рабами заимодавца, впредь до уплаты долга. А такъ какъ въ рабскомъ состояніи не легко было уплатить долгъ, то кабальный холопъ могъ превратиться въ полнаго холопа, т.-е. остаться рабомъ навсегда, или же до смерти кредитора, какъ было установлено въ концѣ XVI в.

Кабальное холопство было очень распространено въ Московской Руси. Люди разнаго чина и званія сплошь и рядомъ лишали себя свободы и шли въ кабалу, которая, несмотря на всю свою тяжесть, представляла нѣкоторую выгоду: служилые люди, превратившись въ холоповъ, освобождались отъ службы, а тяглые—отъ уплаты податей. Насколько мо-

сковскіе люди не дорожили своей свободой, объ этомъ свидѣтельствуетъ келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ, написавшій краснорѣчивое «Сказаніе» о Смутномъ времени. По его словамъ, бывали случаи, когда позванные «винца токмо испити... по трехъ или четырехъ чарочкахъ» давали на себя запись, превращавшую ихъ въ рабовъ.

Такъ получилось громадное скопленіе холоповъ на боярскихъ и, вообще, владѣльческихъ дворахъ. Но вотъ въ самомъ началѣ Смуты, въ 1601—1603 гг. въ Россіи случился подрядъ три года неурожай, а вслѣдствіе того—страшный голодъ. Хлѣбъ необыкновенно поднялся въ цѣнѣ; кормить многочисленную дворню стало невыгодно. Тогда владѣльцы холоповъ стали прогонять ихъ отъ себя. Съ голоду холопы принялись за воровство и грабежъ. Къ нимъ присоединились еще распущенные холопы опальныхъ бояръ; указано было никому не принимать такихъ холоповъ, что ставило ихъ въ безвыходное положеніе. Отъ разбойниковъ не было ни проходу ни проѣзду даже подъ самой Москвой. Очень много холоповъ, до 20000 человѣкъ, какъ думаетъ Палицынъ, бѣжали тогда въ украинные города и, затѣмъ, приняли участіе въ Смутѣ.

Но, необходимо отмѣтить, что рознь и вражда общественныхъ классовъ была не единственной причиной, подготовившей Смуту. Уже изъ характеристики боярства мы видѣли, что оно было недовольно утверждавшимся на Москвѣ политическимъ по-

рядкомъ. То же самое—и въ положеніи низшихъ классовъ. Только вражда послѣднихъ направлялась не противъ верховной власти, у которой низшіе слои населенія были склонны искать помощи и защиты, но—противъ государевыхъ слугъ, приказныхъ и областныхъ правителей, намѣстниковъ и волостелей. Затѣмъ, еще причиной, подававшей поводъ къ жалобамъ на тяжесть положенія, было бремя налоговъ, опутывавшихъ населеніе со всѣхъ сторонъ: и въ пользу государства, и на содержаніе мѣстнаго начальства, и въ пользу землевладѣльцевъ и т. д. Изъ среды посадскихъ, крестьянъ или холоповъ не вышло, да и не могло выйти, такихъ писателей, которые могли бы въ своихъ произведеніяхъ описать бѣдственное положеніе народа. Но зато мы имѣемъ рядъ другихъ памятниковъ, не менѣе ярко рисующихъ бѣдственное положеніе низшаго населенія. Это—народныя челобитья, стекавшіяся въ изобиліи въ Москву со всѣхъ концовъ государства. Въ нихъ звучитъ народный стонъ разореннаго и обездоленнаго населенія. Челобитчики жаловались царю, что многіе дворы на посадахъ и деревни въ станахъ и волостяхъ запустѣли отъ произвола, насилій и лихоимства намѣстниковъ и волостелей, а—наравнѣ съ ними—отъ лихихъ людей, отъ татей и разбойниковъ. Посадскіе люди и крестьяне жаловались, что они «разорены до конца»... «скитаются межъ дворъ», «помираютъ голодною смертью» и т. п.

Что это не были только слезливыя причитанія,

а была настоящая, живая правда, это всенародно призналъ самъ царь Иванъ Грозный, когда, въ 1555 г. отмѣнилъ намѣстничье управленіе. Намѣстники въ областяхъ были замѣнены выборными земскими властями. Но земская реформа Грознаго не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, такъ какъ правительство, вводя реформу, думало не столько объ интересахъ и облегченіи населенія, сколько о своемъ казенномъ интересѣ, о безубыточномъ взысканіи съ населенія податей.

Таково было неприглядное внутреннее состояніе Московскаго государства передъ Смутой. Оно отразилось при Грозномъ и на внѣшней политикѣ. Ливонская война *), начатая такъ блестяще, окончилась полнымъ разгромомъ русскихъ силъ со стороны поляковъ. Главной причиной этого и было какъ разъ оскудѣніе средствъ для веденія войны вслѣдствіе запустѣнія центра, отлива тяглаго и крѣпостного населенія на окрайны и разоренія служилаго люда. Неудачи Ливонской войны должны были послужить грознымъ предзнаменованіемъ, что въ государствѣ далеко не все обстоитъ благополучно.

---

*) Ливонскую войну Грозный велъ со слабымъ орденомъ Ливонскимъ изъ-за береговъ Балтійскаго моря. Но къ ордену присоединились поляки, и Грозный потерпѣлъ неудачу.

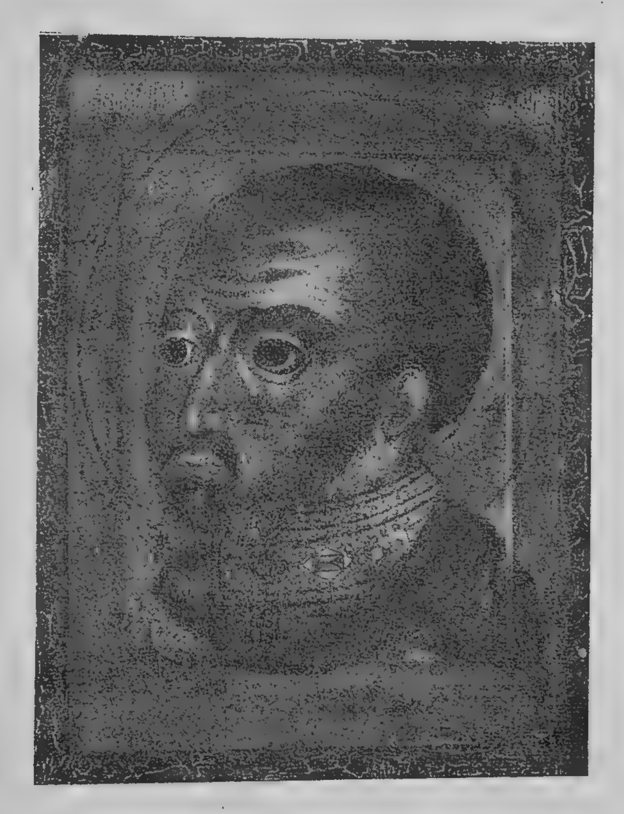
II.

Самозванщина.—Народное движеніе на Украйнѣ.

Преемникомъ Грознаго сдѣлался его сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ. По характеру онъ былъ полной противоположностью своему отцу: былъ простъ и тихъ, добродушенъ и ласковъ съ окружающими. Къ управленію государствомъ царь Ѳеодоръ былъ неспособенъ. Въ этомъ отношеніи онъ требовалъ опеки и руководства. Дурная сторона этого заключалась въ томъ, что верховная власть подвергалась всякимъ случайнымъ придворнымъ вліяніямъ. Началась борьба изъ-за власти между нѣсколькими боярскими партіями; перевѣсъ въ ней одерживаетъ шуринъ царя—Борисъ Годуновъ, который и сдѣлался настоящимъ правителемъ государства.

Царь Ѳеодоръ былъ послѣднимъ представителемъ династіи Калиты на московскомъ престолѣ. Братъ его, семилѣтній царевичъ Дмитрій (младшій сынъ Ивана Грознаго—отъ седьмой жены), погибъ въ 1591 г. въ Угличѣ при загадочной обстановкѣ,

не вполнѣ разслѣдованной до настоящаго времени. Правительство объявило, что царевичъ закололъ себя самъ, играя на дворѣ въ тычку (родъ свай-

Царь Өедоръ (Совр. порт.).

ки). Народная же молва обвинила въ его убійствѣ Годунова, который, прокладывая себѣ путь къ престолу, подослалъ къ царевичу убійцъ. Какъ бы то ни было, по смерти царя Өеодора въ 1598 г.,

Борисъ Годуновъ земскимъ соборомъ былъ избранъ на московскій престолъ *).

Годуновъ отличался большими правительственными способностями. При немъ страна нѣсколько отдохнула отъ войнъ и жестокостей Грознаго. Однако, исправить всѣ послѣдствія его кровавой политики было не легко, тѣмъ болѣе, что какихъ-нибудь коренныхъ мѣръ, серьезно измѣнявшихъ правительственный и общественный порядокъ, предпринято не было. Загадочное же событіе въ Угличѣ и перемѣна династіи поддерживали тревожное настроеніе.

И вотъ, какъ только страну постигло случайное общественное бѣдствіе—страшный голодъ 1601—1603 гг., все опять замутилось въ государствѣ. Противъ царя Бориса поднялись и верхъ и низъ общества: боярская знать, давно уже строившая ковы противъ него, и—крѣпостная масса и казачество на окрайнахъ.

Смуту начало боярство. Но въ началѣ оно выступило не въ видѣ сплоченнаго общими интересами класса, а въ видѣ нѣсколькихъ боярскихъ партій; во главѣ ихъ стояли лица, соперничавшія съ Годуновымъ изъ-за власти. Таковы были, главнымъ образомъ, два боярскихъ рода: князья Шуйскіе и Романовы-Юрьевы. Шуйскіе были виднѣйшими представителями княжеской аристократіи, рюриковичи,

*) Земскимъ соборомъ въ Московской Руси называлось собраніе выборныхъ представителей отъ населенія для совѣщанія съ правительствомъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ.

считавшіе свой родъ по происхожденію даже старше угасшаго рода московскихъ государей. Изъ рода Шуйскихъ соперничалъ съ Годуновымъ кн. Василій Ивановичъ Шуйскій. Кн. Василій Ивановичъ не блисталъ талантами правительственными или военными, но отличался хитростью, склонностью къ заговору; ему ничего не стоило сегодня утверждать то, что вчера онъ отрицалъ, и—наоборотъ, лишь бы дѣло его было выиграно. Онъ былъ, конечно, противъ избранія на престолъ Бориса Годунова, но долженъ былъ смириться и, до поры до времени, выставлялъ себя его покорнымъ слугой.

Энергичнѣе дѣйствовала другая боярская партія, во главѣ которой стояли бояре Романовы. Этотъ боярскій родъ высоко сталъ при московскомъ дворѣ со времени женитьбы царя Ивана Грознаго на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной Юрьевой. Братъ ея, Никита Романовичъ, сумѣлъ занять видное положеніе при Грозномъ, хотя и не запятналъ себя жестокостями опричнины. Въ скоромъ времени, по вступленіи на престолъ царя Θеодора Іоанновича, Никита Романовичъ умеръ, заключивъ съ Годуновымъ «завѣщательный союзъ дружбы», въ силу котораго бояринъ Никита поручалъ попеченію Годунова пятерыхъ своихъ сыновей. Старшій изъ нихъ, Θеодоръ Никитичъ, красавецъ собой и первый щеголь въ Москвѣ, отличался въ то же время умомъ, твердымъ характеромъ и большимъ честолюбіемъ. При жизни царя Θеодора, его считали однимъ изъ кандидатовъ на царскій престолъ. Это обстоятель-

ство и поселило вражду между Годуновымъ и Ѳеодоромъ Никитичемъ и сдѣлало ихъ непримиримыми врагами.

Царь Борисъ Ѳедоровичъ (Съ порт. XVII в.).

Уже въ царствованіе Бориса, по доносу холопа, надъ братьями Романовыми было наряжено слѣд-

ствіе; они были обвинены въ волшебствѣ, стремленіи себѣ «достать царство», и отправлены въ ссылку въ разныя мѣста. Чтобы разъ навсегда обезопасить себя отъ главнаго соперника, Годуновъ приказалъ сослать Ѳеодора Никитича въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей, гдѣ онъ былъ насильно постриженъ въ монашество. Опала тогда постигла и многихъ другихъ бояръ, родственниковъ и приверженцевъ Романовыхъ.

Въ эту-то пору (около 1601—1602 гг.), когда среди боярства шла тайная крамола противъ царя Бориса, а обездоленная и озлобленная народная масса переживала ужасы голода и участившихся вслѣдствіе этого грабежей и разбоевъ, все настойчивѣе распространяется слухъ, что царевичъ Димитрій Углицкій, сынъ Ивана Грознаго, живъ. А поздней осенью въ 1603 г. за рубежемъ, въ Польшѣ, на службѣ у одного богатаго польскаго пана, кн. Адама Вишневецкаго, появился молодой человѣкъ, лѣтъ 20 съ небольшимъ, уже впрямь выдававшій себя за царевича Димитрія Ивановича. Этотъ молодой человѣкъ такъ разсказывалъ о себѣ: онъ былъ спасенъ въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ, и отданъ на воспитаніе одному сыну боярскому, который, затѣмъ, научилъ его укрыться среди монаховъ. И вотъ юноша странствовалъ въ одеждѣ инока подъ чужимъ именемъ. Переходя изъ одной обители въ другую, онъ будто бы съ Сѣвера постепенно добрался до столицы, и здѣсь, никѣмъ не узнанный,

бывалъ во дворѣ у патріарха и даже въ палатахъ самого царя Бориса. Наконецъ, изъ Москвы ему удалось уйти отъ опасности за литовскій рубежъ.

Дѣйствительно, когда, годъ спустя, названный Димитрій съ отрядомъ поляковъ и казаковъ вторгся въ предѣлы Московскаго государства, правительство царя Бориса объявило, что этотъ бѣглый монахъ Московскаго Чудова монастыря, «воръ» и «разстрига», Гришка Отрепьевъ. Въ кругу бояръ Годуновъ прямо говорилъ, что самозванецъ—это дѣло рукъ боярства, что оно выставило его, какъ средство борьбы противъ Бориса. Есть извѣстія, что самозванецъ одно время жилъ въ Москвѣ въ «холопяхъ» во дворѣ бояръ Романовыхъ и родственниковъ ихъ, кн. Черкасскихъ. Эти обстоятельства заставляютъ подозрѣвать участіе боярства, враждебнаго царю Борису, въ появленіи перваго самозванца *).

Но, если таковъ былъ замыселъ боярскихъ верховъ, то, несомнѣнно, онъ оказался успѣшнымъ только потому, что нашелъ сильную поддержку въ низахъ общества, въ народныхъ массахъ.

Мы уже видѣли, насколько печально было положеніе служилаго и тяглаго люда передъ Смутой.

---

*) Кто такой былъ названный Димитрій, этотъ вопросъ до настоящаго времени не разрѣшенъ въ точности и въ исторической наукѣ. Достовѣрно мы знаемъ лишь одно: это былъ москвичъ, а не полякъ. Большинство ученыхъ историковъ считаютъ, чтв это былъ именно Отрепьевъ, самозванно принявшій на себя имя царевича Димитрія. Очень немногіе рѣшаются признать въ немъ царевича Димитрія.

Давно уже, и по многимъ причинамъ, скоплялся взрывъ народнаго недовольства. Появленіе самозванца было искрой, брошенной въ массу горючаго матеріала.

Лжедмитрій I.

Народное недовольство въ такой монархической странѣ, какъ Московское государство, легче всего могло вылиться въ движеніе за самозванца, когда

народныя массы поднялись во имя защиты «законнаго» государя противъ похитителя его правъ. Всѣ, кто былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, объединились вокругъ самозванца, который въ своихъ «прелестныхъ грамотахъ», разсылавшихся имъ по всему государству, всѣмъ обѣщалъ разныя льготы и облегченія. «А мы, великій государь,—писалъ самозванецъ, — по своему царскому милосердому обычаю васъ всѣхъ пожалуемъ: и вамъ, боярамъ нашимъ и воеводамъ, честь и повышеніе учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому еще и прибавимъ, и въ чести васъ держати будемъ; и васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царской милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей и всего Московскаго государства, пожалуемъ въ пошлинахъ и въ податяхъ, велимъ во льготѣ и во облегченіи учинить, и все православное христіанство въ тишинѣ и въ покои и во благоденственномъ житіи учинить хотимъ».

Съ разсчетомъ самозванецъ, перебравшись черезъ польскую границу, не пошелъ обычнымъ прямымъ путемъ изъ Литвы на Москву черезъ Смоленскъ и Вязьму, города, сильно укрѣпленные, а направился прежде всего на Сѣверскую украйну. Рѣшительную роль здѣсь сыграло настроеніе жившаго на Украйнѣ люда. То были: казачество, приборные служилые люди—стрѣльцы, пушкари, станичники и пр., набиравшіеся правительствомъ безъ разбора изъ разныхъ «приходцевъ» съ сѣвера и

составлявшіе городскіе гарнизоны, — главную защиту украинскихъ городовъ; затѣмъ, здѣсь были крестьяне, успѣвшіе и на югѣ, при быстрой раздачѣ

Марина Мнишекъ.

земли служилымъ людямъ, попасть въ крѣпостную неволю, бѣглые холопы и преступники. Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, представитель богатѣйшаго монастыря—вотчинника, презрительно назы-

ваетъ всѣхъ этихъ обитателей Украйны не иначе, какъ «ворами».

Разсчетъ самозванца оказался вѣрнымъ. Несмотря на то, что силы его, при вступленіи въ московскіе предѣлы, были ничтожны (3—4 тысячи поляковъ и казаковъ), предпріятіе его имѣло неожиданный и быстрый успѣхъ. Одинъ городъ за другимъ переходилъ на сторону самозванца. Движеніе распространялось на востокъ и на сѣверъ, приближаясь постепенно къ Москвѣ. Воеводы, высланные противъ самозванца царемъ Борисомъ, дѣйствовали вяло и нерѣшительно. Положеніе Годунова было крайне тяжелымъ. Во главѣ войскъ противъ своего соперника онъ долженъ былъ поставить бояръ, которымъ онъ мало довѣрялъ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ апрѣлѣ 1605 г. царь Борисъ внезапно умираетъ. На престолъ вступилъ сынъ его, Ѳеодоръ Борисовичъ, юноша, отличавшійся умомъ и образованіемъ. Но, при его молодости, ему трудно было сдержать разгоравшіяся страсти. Не было людей, на кого молодой царь могъ бы опереться. Родовитое боярство, столь много претерпѣвшее во время опричнины и при Борисѣ Годуновѣ, снова поднимаетъ голову. Посланные противъ самозванца воеводы, окольничій Басмановъ (любимецъ Бориса), кн. Голицынъ и др. измѣнили и перешли на сторону самозванца. Послѣ того онъ уже безпрепятственно пошелъ къ Москвѣ. Тамъ произошелъ мятежъ противъ Годуновыхъ: царь Ѳеодоръ и мать его были убиты. 20 іюня 1605 г.,

при колокольномъ звонѣ всѣхъ московскихъ церквей, царь Димитрій торжественно вступилъ въ Москву. Встрѣченный духовенствомъ съ иконами и хоругвями, царь послѣдовалъ въ кремлевскіе соборы. Въ Архангельскомъ соборѣ, у гробницъ мо-

Убійство Лжедмитрія I. (Картина К. Маковскаго).

сковскихъ государей, Димитрій всенародно свидѣтельствовалъ о своемъ происхожденіи отъ Іоанна IV.

Но торжество Димитрія продолжалось недолго. Царствовалъ онъ меньше года. Такъ какъ самозванецъ обнаруживалъ очень мало расположенія

поддерживать притязанія родовитаго боярства, то оно, во главѣ съ кн. Василіемъ Шуйскимъ, произвело новый переворотъ. Раннимъ утромъ 17-го мая 1606 г. въ Москвѣ произошелъ мятежъ, въ результатѣ котораго Димитрій, только недѣлю тому назадъ пышно отпраздновавшій свой бракъ съ панной Мариной Мнишекъ, былъ убитъ, при чемъ трупъ его подвергся поруганію. Власть захватилъ небольшой кружокъ родовитѣйшаго боярства. По соглашенію между боярами, руководитель заговора, Василій Ивановичъ Шуйскій, возводится на московскій престолъ.

III.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.—Новое народное движеніе.—Болотниковъ.—Тушинскій воръ.—Разореніе Московскаго государства.

Въ лицѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго боярство достигло своей цѣли. На престолъ былъ возведенъ настоящій «боярскій» царь.

Вступленіе его на престолъ ознаменовалось необычнымъ событіемъ. Не только подданные приносили новому царю «крестное цѣлованіе»—присягу, но самъ царь торжественно въ Успенскомъ соборѣ далъ клятвенное обѣщаніе, которое, потомъ, было изложено въ особой «крестоцѣловальной записи» слѣдующимъ образомъ: царь обѣщалъ никого не предавать казни иначе, какъ по суду съ боярами, не отнимать имѣній у невиновныхъ родственниковъ опальныхъ людей, и, наконецъ, не слушать ложныхъ доносовъ, а провѣрять ихъ сыскомъ.

Такая присяга дана была Шуйскимъ въ пользу одного первенствующаго сословія—боярства. Изъ

нея видно, что бояре заботились, главнымъ образомъ, объ одномъ: лишь бы обезопасить себя отъ казней и опалъ, тяжесть которыхъ имъ пришлось испытать во время опричнины Грознаго и при Борисѣ Годуновѣ.

Но не Шуйскому суждено было успокоить смуту, взволновавшую государство. Самыя личныя качества этого царя не внушали никому довѣрія. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что нѣтъ правды въ этомъ царѣ. Сколько разъ онъ измѣнялъ своему слову о томъ, что теперь всѣхъ волновало,— о судьбѣ царевича Димитрія. При Борисѣ Годуновѣ Шуйскій говорилъ, что царевичъ погибъ въ Угличѣ. При торжествѣ самозванца, онъ всенародно утверждалъ, что царевичъ былъ спасенъ. Послѣ варварской расправы съ царемъ Димитріемъ, правительство Шуйскаго объявило все того же Димитрія воромъ и разстригой. Одинъ современникъ Шуйскаго, кн. Катыревъ-Ростовскій, въ такихъ чертахъ изображаетъ намъ этого царя: царь Василій ростомъ былъ малъ, некрасивъ, «очи подслѣпы имѣя»; онъ былъ человѣкъ не безъ «книжнаго поученія» и не глупый, но былъ очень скупъ и упрямъ; съ удовольствіемъ онъ слушалъ шептанія доносчиковъ и занимался волхвованіемъ.

Въ теченіе четырехлѣтняго царствованія этого «несчастливаго» царя смута приняла особенно широкій общественный характеръ. Первыя расприопять начались между боярскими партіями. Шуйскій былъ ставленникомъ родовитаго боярства,

княжатъ. Другая же партія — дворцовой служилой знати, группировавшаяся около Филарета Никитича

Василій Ивановичъ Шуйскій. (Съ порт. XVII в.).

(Романова), была недовольна *). Въ Москвѣ очень

*) Филаретъ Никитичъ при самозванцѣ былъ поставленъ въ санъ митрополита ростовскаго.

скоро послѣ избранія Шуйскаго возникли уличные безпорядки, направленные противъ царя Шуйскаго и возбужденные подметными письмами. Даже съ нѣкоторыми изъ родовитыхъ бояръ Шуйскій успѣлъ перессориться.

Но гораздо опаснѣе было широкое народное движеніе, вновь вспыхнувшее на югѣ и скоро охватившее большую часть государства. Началось оно опять тамъ же, въ Сѣверской украйнѣ, гдѣ распространился слухъ, что «царь Димитрій» живъ. Первый поднялъ возстаніе путивльскій воевода кн. Григорій Шаховской, приверженецъ Лжедимитрія и противникъ Шуйскаго. Вслѣдъ за Путивлемъ очень быстро поднялись и другіе сѣверскіе и «польскіе» города. Новое народное движеніе 1606—1607 гг. было ничѣмъ инымъ, какъ возобновленіемъ недавняго возстанія «прежде погибшей» Украйны за царя Димитрія, съ той разницей, что теперь еще рѣзче обнаружилась вражда низшихъ классовъ населенія противъ боярскаго правительства Шуйскаго. Такой характеръ движеніе приняло, въ особенности съ того времени, какъ во главѣ его сталъ Иванъ Болотниковъ. Это—бывшій бѣглый холопъ, жизнь котораго была богата всякими приключеніями. Болотниковъ побывалъ въ татарской и турецкой неволѣ, бѣжалъ оттуда, побывалъ заграницей, въ Венеціи, Польшѣ и пр. Онъ оказался смѣлымъ и искуснымъ вожакомъ. Болотниковъ быстро сумѣлъ увеличить до значительныхъ размѣровъ дружину, предоставленную ему кн. Шаховскимъ. По

всему государству онъ разсылалъ «воровскіе листы» боярскимъ холопамъ и всѣмъ «ворамъ», чтобы они побивали своихъ бояръ, гостей и торговыхъ людей, и «животы» ихъ грабили; сулилъ своимъ приверженцамъ боярскія вотчины и помѣстья, боярство, воеводство и дьячество.

Это былъ прямой призывъ низшихъ классовъ общества противъ высшихъ, землевладѣльческихъ, промышленно-торговыхъ и чиновничьихъ. Словомъ, Болотниковъ хотѣлъ произвести полный государственный и общественный переворотъ. И за нимъ, по разсказу лѣтописи, пошли холопы и крестьяне, украинскіе посадскіе люди, стрѣльцы и казаки. Начали они хватать по городамъ воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы, разорять дома своихъ господъ, грабить ихъ «животы», позорить ихъ женъ и дѣтей.

Послѣ того, какъ Болотниковъ наголову разбилъ высланный изъ Москвы противъ мятежниковъ отрядъ войска, возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ и быстро начало распространяться на сѣверо-востокъ, по направленію къ Москвѣ. Поднялись украинскіе и рязанскіе города: Калуга, Тула, Рязань и др. Здѣсь потокъ возстанія увлекаетъ еще новый общественный классъ—провинціальныхъ служилыхъ людей, среднихъ и мелкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Во главѣ ихъ стали рязанскій воевода Сумбуловъ и дворяне братья Прокопій и Захаръ Ляпуновы. Причины возстанія провинціальныхъ служилыхъ людей противъ Шуйскаго и бояръ заключались, во-первыхъ, въ давней враждѣ сред-

нихъ и мелкихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ на хозяйственной почвѣ, изъ-за рабочихъ рукъ; теперь, когда вся власть при Шуйскомъ перешла въ руки родовитаго боярства, простые служилые люди могли еще болѣе опасаться за свое хозяйственное благополучіе. Кромѣ того, наиболѣе зажиточные, энергичные и честолюбивые изъ уѣздныхъ дворянъ, каковы были, напр., братья Ляпуновы, были недовольны боярскимъ правительствомъ, при которомъ имъ закрывался доступъ къ возвышенію по службѣ. Поэтому они возстали во имя Димитрія, возвышавшаго по службѣ «худородныхъ» людей.

Возстаніе распространилось и дальше, на сѣверо-востокъ, въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи. Здѣсь вмѣстѣ съ крестьянами и холопами, возстали инородцы, имѣвшіе въ виду воспользоваться всеобщей смутой, чтобы сбросить съ себя тяжелое подчиненіе русскимъ. Въ далекой Астрахани измѣнилъ Шуйскому воевода кн. Хворостининъ. Но Нижній-Новгородъ остался вѣренъ царю Василію; въ то время, какъ измѣнили города Арзамасъ и Алатырь, Нижній выдержалъ осаду мятежнаго войска Ивана Доможирова и двухъ инородцевъ (мордвины) Варгадина и Москова. Только подошедшій царскій воевода гр. Пушкинъ снялъ эту осаду. Болотниковъ соединился съ ополченіемъ Сумбулова и Ляпуновыхъ; разбивъ еще разъ царское войско, мятежники подошли къ самой Москвѣ и осадили ее, остановившись въ подмосковномъ селѣ Коло-

менскомъ. Положеніе Шуйскаго было крайне опасно. Но на этотъ разъ онъ уцѣлѣлъ благодаря тому, что среди его враговъ скоро обнаружилась рознь. Грамоты Болотникова, грабежи и разбои окружавшей его казачьей голытьбы, доказали дворянскому ополченію тулянъ и рязанцевъ, что возстаніе Болотникова можетъ быть опасно не только для родовитаго боярства, но и для всѣхъ служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ угрожало имъ отнятіемъ помѣстій, вотчинъ и крѣпостныхъ людей. Такой коренной общественный переворотъ не могъ быть въ интересахъ дворянъ. Поэтому, мѣсяцъ спустя, Сумбуловъ и Ляпуновъ съ дворянами и дѣтьми боярскими явились съ повинной къ Шуйскому. Болотниковъ былъ разбитъ и ушелъ сначала въ Калугу, а потомъ въ Тулу, куда подошелъ и путивльскій воевода кн. Шаховской. Царь лично предводительствовалъ войсками, осаждавшими этотъ оплотъ мятежниковъ. Осада затянулась на нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ октябрѣ 1607 г. Тула была взята, и вожди были захвачены. Расправа съ мятежниками была очень жестокая: «воровъ» казнили сотнями и тысячами, топили въ рѣкахъ, «нещадно» били кнутомъ; цѣлыя области отдавались царскимъ войскамъ на грабежъ и разореніе; бѣглые крестьяне и холопы были отданы прежнимъ имъ владѣльцамъ. Смута привела на этотъ разъ къ пораженію возставшихъ и торжеству Шуйскаго и бояръ, благодаря переходу па ихъ сторону служилыхъ людей.

Но порядокъ, возстановлённый такимъ способомъ, продержался очень недолго. Въ томъ же 1607 г. появляется второй самозванецъ, знаменитый Тушинскій воръ, и снова увлекаетъ за собой общественные низы и казачество. Въ короткое время онъ подчиняетъ себѣ Сѣверскую украйну, разбиваетъ по дорогѣ въ Москву царское войско, подходитъ къ самой Москвѣ и располагается лагеремъ въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ. Съ перерывами два года Москва держится въ осадѣ «Воромъ». Въ виду того, что югъ уже былъ разоренъ, вниманіе «Вора» привлекаетъ сѣверный край, такъ называемые Замосковные и Поморскіе города, ранѣе еще мало затронутые смутой и отличавшіеся большимъ благосостояніемъ. Тушинцы, то по приказу «Вора», то на страхъ отдѣльныхъ военачальниковъ, быстро «завоевываютъ» г.г. Дмитровъ, Суздаль, Владиміръ, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Вологду. Шуйскій не могъ оказать сѣвернымъ городамъ никакой помощи, и потому смута распространяется теперь на небывало огромное пространство.

Въ это время, въ сентябрѣ 1608 г., отдѣльные отряды польскихъ начальниковъ, Яна Сапѣги и Лисовскаго, начали осаду русской святыни — Троицкаго монастыря. Шуйскій пробовалъ заступить имъ дорогу, но войска его были разбиты. Войско осаждающихъ было очень значительно — до 30 тысячъ, въ то время, какъ защитниковъ монастыря было не болѣе 1500. И несмотря на это, они отбили рядъ приступовъ, выдержавъ продолжительную тяжелую

Осада Троицкой Лавры. (Картина Милорадовскаго).

осаду, и въ январѣ 1610 г. были освобождены подошедшей съ сѣвера помощью.

Самая столица во время осады Тушинскаго вора показываетъ яркій образчикъ того крайняго упадка нравственнаго и гражданскаго чувства, до котораго опустились всѣ общественные классы, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая городскою чернью. Правительство Шуйскаго не пользуется никакимъ значеніемъ. По выраженію современника и очевидца, царемъ играли, какъ «дѣтищемъ». Сидя на одной трапезѣ на пиршествахъ въ «царствующемъ градѣ», одни, по окончаніи веселья, шли въ царскія палаты, другіе же скакали въ Тушинскіе таборы. Всякій выше мѣры своей хотѣлъ жалованья. Крестное цѣлованіе ни во что не ставили. Бояре, приказные и служилые люди цѣловали крестъ царю въ Москвѣ; затѣмъ, многіе изъ нихъ ѣхали въ Тушино и тамъ цѣловали крестъ «Вору», получали у него жалованье, опять ѣхали къ царю Шуйскому и больше прежняго почесть и дары отъ него принимали; потомъ опять отъѣзжали къ «Вору» и т. д. до пяти и десяти разъ. Такіе люди получили мѣткое прозвище «перелетовъ». Не мало было крамольниковъ и «священнаго чина». Многіе священники, дьяконы и иноки «возбѣсишася» и приходили въ Тушинскій станъ, испрашивая у вора почестей и повышенія въ санѣ. Московскіе купцы тайно возили въ Тушинскій лагерь свои товары, въ томъ числѣ и порохъ. Подобный же упадокъ гражданскаго и общественнаго сознанія можно было

наблюдать еще въ голодные годы 1601—1603 гг., когда богатые люди наживались отъ перепродажи хлѣба по крайне высокимъ цѣнамъ, а придворные и приказные люди расхищали царскую казну и хлѣбъ, предназначенный для раздачи голоднымъ.

Авраамій Палицынъ рисуетъ такую мрачную картину разоренія государства отъ «воровъ»—измѣнниковъ и поляковъ, находившихся на службѣ у Тушинскаго вора:

Церкви и священные предметы подвергались поруганію: въ церквахъ затворяли коней, и въ алтаряхъ кормили псовъ. Однихъ иноковъ и священниковъ убивали послѣ всяческихъ мученій, другихъ же заставляли варить вино и пиво, готовить кормы людскіе и конскіе, пасти стада, носить воду и дрова, «порты скверные» для нихъ мыть; ругаясь надъ ними, заставляли пѣсни срамныя пѣть, скакать и плясать, а непокоряющихся предавали смерти.

Мирное населеніе въ городахъ и селахъ подвергалось ограбленію, позору и убійству. Убитые встрѣчались тогда повсюду на пространствѣ отъ Тулы и до Калуги, и подъ Кромами, и подъ Каширой и подъ Орломъ, и подъ Нижнимъ-Новгородомъ. И скрывались тогда люди въ дебри непроходимыя, въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры невѣдомыя; по ночамъ зловѣщее зарево пожаровъ освѣщало поля и лѣса. Имущество все разорялось. Казаки и измѣнники, что не могли пограбить отъ земледѣльческихъ житъ, въ воду и грязь сыпали и конями

топтали, имущество же, расколовъ на мелкія части, бросали въ воду. Людей непокорныхъ измѣнники хватали, подвергали различнымъ мученіямъ и убійству, не щадя женщинъ и дѣтей. Красивыхъ женъ и дѣвушекъ на глазахъ ихъ мужей, отцовъ и братьевъ подвергали поруганію; такъ же поступали и съ «честными» инокинями. При томъ русскіе измѣнники и казаки, даже по сравненію съ поляками, отличались особенной жестокостью: надъ тѣми, кто проявлялъ жалость и состраданіе, они смѣялись, называя такихъ «худяками» и «жонками».

IV.

Земское движеніе противъ тушинцевъ въ сѣверныхъ и приволжскихъ городахъ. — Нижній-Новгородъ въ XVI — XVII вв. — Вторженіе поляковъ.

Подъ флагомъ перваго самозванца, Болотникова, и, наконецъ, Тушинскаго вора поднялись обездоленныя народныя массы. Волна народнаго возстанія пронеслась бурнымъ потокомъ по всему государству и въ своемъ стихійномъ влеченіи едва не захлестнула совсѣмъ тотъ государственный порядокъ, который съ такимъ трудомъ налаживался вѣками предшествующей жизни Московскаго государства. Но ни Болотниковъ, ни тѣмъ болѣе Тушинскій воръ, и не думали о созданіи какого-либо другого общественнаго порядка взамѣнъ того, противъ котораго возстали казачество и народные низы. Поэтому-то чисто стихійное движеніе народныхъ массъ 1606—1610 гг. не могло оставить послѣ себя никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ разрушенія и разоренія.

Но безнарядье междоусобія, совершенно разстроившее хозяйственную и гражданскую жизнь страны, вызвало, наконецъ, отпоръ со стороны тѣхъ слоевъ русскаго населенія, которые были болѣе заинтересованы въ поддержаніи порядка, при которомъ, по крайней мѣрѣ, можно было спокойно и безопасно жить, заниматься земледѣліемъ, промысломъ и торговлей. Таковы были средніе служилые и тяглые, уѣздные и посадскіе люди, въ особенности—болѣе зажиточныхъ городовъ Поморскаго и Приволжскаго края. Уже давно тамъ наростало возмущеніе противъ тушинскихъ измѣнниковъ и воровъ, которые въ завоеванныхъ городахъ и уѣздахъ угнетали населеніе тяжелыми поборами, грабили купцовъ и торговыхъ людей, безчинствовали, истязали и убивали народъ. Въ 1608—1609 гг. обнаружилось большое «земское» движеніе среди тяглыхъ «міровъ» Сѣвера и средняго Поволжья, движеніе, которое оказало сильнѣйшую поддержку царю Василію Ив. Шуйскому въ его борьбѣ съ Тушинымъ. Города пересылались между собою грамотами о томъ, что не слѣдуетъ цѣловать креста «Вору», составляли дружины и, подъ начальствомъ выборныхъ предводителей или находившихся на сѣверѣ царскихъ воеводъ, нападали на тушинцевъ и выгоняли ихъ отъ себя, оказывая другъ другу взаимную помощь. Среди сѣверныхъ городовъ центрами возстанія были г.г. Вологда и Вел. Устюгъ. Въ среднемъ же Поволжьи, въ области нижней

Оки и Клязьмы, такимъ центромъ былъ г. Нижній-Новгородъ.

Въ XVI и въ началѣ XVII вв. Нижній-Новгородъ представлялъ, собственно, еще пограничный пунктъ на сѣверо-востокѣ Московскаго государства. Хотя, съ завоеваніемъ Казани при Грозномъ, владѣнія Московскаго государства простирались и значительно далѣе на востокъ, за Нижній, но это былъ еще плохо замиренный край, заселенный почти сплошь инородцами: татарами, вотяками, чувашами, черемисой, башкирами и пр. Въ то же время р. Волга, подобно Днѣпру, очень рано сдѣлалась важнымъ торговымъ путемъ, соединявшимъ центръ и югъ (черезъ рѣку Оку) Московскаго государства съ восточными сибирскими и каспійскими рынками. Но волжская торговля въ XVI в. была далеко не безопасна вслѣдствіе постоянныхъ нападеній на торговые караваны разбойниковъ-казаковъ въ средней и нижней Волгѣ. Опорнымъ пунктомъ волжской торговли и былъ Нижній-Новгородъ, занимающій весьма выгодное положеніе при сліяніи р. р. Волги и Оки. Городъ, расположенный на высокомъ правомъ берегу Волги, былъ хорошо укрѣпленъ. Еще въ началѣ XVI в. вокругъ нижегородскаго кремля были построены крѣпкія каменныя стѣны. Подъ ихъ защитой происходила выгрузка и нагрузка товаровъ съ судовъ, приходившихъ сверху и снизу по рѣкѣ; здѣсь снаряжались торговые караваны для дальняго и опаснаго плаванія къ Каспійскому морю.

Такъ, еще въ XVI в. промышленно-торговая жизнь била ключемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. И по количеству населенія это былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ московскихъ городовъ. До насъ сохранились свѣдѣнія отъ 1621 г., слѣдовательно, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ Смуты, разорившей и опустошившей многіе русскіе города. Нижній-Новгородъ не былъ захваченъ тушинцами, тогда какъ другіе важнѣйшие города края, Владимиръ, Суздаль, Муромъ, находились въ ихъ власти. Но тѣмъ не менѣе смута наносила сильнѣйшій подрывъ нижегородской торговлѣ, такъ какъ большинство городовъ и мѣстностей, съ которыми Нижній находился въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ, были захвачены и разорены русскими «измѣнниками» и поляками. Затѣмъ, какъ будетъ изложено далѣе, Нижній принялъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ Смуты и противъ иноземнаго непріятеля, при чемъ городъ несъ большія матеріальныя жертвы и посылалъ своихъ людей въ войска. Естественно, что силы населенія и городская промышленно-торговая дѣятельность должны были придти въ нѣкоторый упадокъ. И тѣмъ не менѣе, въ 1621 г. въ Нижнемъ насчитывается до 1900 дворовъ и избъ, въ томъ числѣ: 700 нетяглыхъ дворовъ, т. е. принадлежащихъ духовенству, монастырямъ, приказнымъ и служилымъ людямъ, 862 посадскихъ двора тяглыхъ, 204 двора оброчныхъ, т.-е. такихъ, владѣльцы которыхъ «обхудали», и вмѣсто непосильнаго для нихъ тягла

были посажены на болѣе легкій оброкъ, и, наконецъ, 141 «дворишковъ и избенокъ и кѣльишковъ», совсѣмъ нищихъ. Подъ защитой крѣпкихъ нижегородскихъ стѣнъ раскинулся обширный рынокъ. Въ немъ насчитывалось до 480 торговыхъ помѣщеній всякаго рода, не считая кузницъ и харчевенъ. Въ такомъ видѣ представляется Нижній-Новгородъ спустя 7 лѣтъ послѣ Смуты.

Какъ только началось движеніе въ Приволжскомъ краѣ противъ тушинцевъ, Нижній принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе.

Послѣ того, какъ тушинцы захватили Муромъ, они двинулись оттуда къ Нижнему-Новгороду, отлично понимая, какъ важно было для нихъ захватить этотъ богатый и сильный городъ. На выручку къ Нижнему въ это время подошелъ передовой отрядъ воеводы боярина Шереметева, возвращавшагося съ небольшимъ войскомъ снизу послѣ усмиренія мятежа въ Астрахани. Въ декабрѣ 1608 г. нижегородцы «всѣмъ городомъ» приговорили воеводѣ Андрею Алябьеву идти на «воровъ». Рать Алябьева состояла изъ нижегородскихъ служилыхъ и посадскихъ людей и изъ присланныхъ Шереметевымъ стрѣльцовъ, казаковъ и инородцевъ. Алябьевъ въ двухъ стычкахъ разбилъ «воровъ», отнялъ у нихъ Балахну и большія села Ворсму и Павлово. А въ январѣ 1609 г. на Муромской дорогѣ произошелъ главный бой Алябьева съ тушинскимъ воеводой кн. Вяземскимъ. Нижегородцы нанесли ему полное пораженіе, причемъ самъ Вяземскій съ про-

чими воровскими воеводами былъ взятъ въ плѣнъ. Нижегородцы круто поступили съ «ворами»: они повѣсили кн. Вяземскаго и съ нимъ другихъ вожаковъ. Весь край послѣ нижегородскихъ побѣдъ началъ отпадать отъ тушинской власти и, опираясь на нижегородскую рать, возобновлялъ борьбу съ «ворами». Такъ города Муромъ и Владиміръ были очищены отъ тушинцевъ.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали и земскія дружины сѣверныхъ городовъ, поддержанныя войсками царственнаго племянника Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго, направлявшагося на выручку Москвы изъ Новгорода. При дѣятельной помощи земскихъ міровъ Сѣвера и Поволжья царю Шуйскому удалось уже почти совсѣмъ избавиться отъ Тушинскаго вора. Но въ это время Московскому государству угрожала новая опасность—вторженіе иноземнаго непріятеля.

Осенью 1609 г. польскій король Сигизмундъ III объявилъ царю Шуйскому войну и осадилъ г. Смоленскъ, который уже давно былъ предметомъ спора между Москвой и Литвой. Сигизмундъ имѣлъ въ виду воспользоваться смутой на Руси въ своихъ выгодахъ. Онъ хотѣлъ подчинить Московское государство Польшѣ и самъ сдѣлаться русскимъ царемъ. Однако, хорошо укрѣпленный Смоленскъ, мужественно защищаемый жителями и войскомъ подъ начальствомъ воеводы Шеина, надолго задержалъ Сигизмунда подъ своими стѣнами. Но отрядъ польскаго войска, подъ начальствомъ гетмана Жол-

кевскаго, былъ посланъ по направленію къ Москвѣ. На смоленской дорогѣ, при с. Клушинѣ, Жолкевскій разбилъ московскія войска подъ начальствомъ брата царя, неспособнаго и завистливаго кн. Дмитрія Шуйскаго *). Послѣ того гетманъ Жолкевскій быстро двинулся къ Москвѣ. Положеніе царя Василія Шуйскаго, котораго никто теперь не хотѣлъ поддерживать, стало безнадежнымъ. Противъ него произошло новое возстаніе въ Москвѣ, которое закончилось низведеніемъ «несчастливаго» царя съ престола (въ іюлѣ 1610 г.). Шуйскій былъ насильно постриженъ въ монашество. Наступило междуцарствіе. Власть вторично въ эпоху смуты перешла въ руки бояръ.

Какъ же они ей воспользовались?

Москвѣ угрожала двоякая опасность: отъ поляковъ, съ одной стороны, а съ другой — отъ Тушинскаго вора, за которымъ шли казачество и украинская «голытьба»; ему же сочувствовала и столичная чернь. Московское боярство больше всего боялось «Вора» и могущаго произойти, при его господствѣ, общественнаго переворота. Поэтому боярство примкнуло къ той партіи дворцовой знати и приказныхъ людей, которая служила раньше Тушинскому вору, но теперь рѣшила выбрать на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. И тѣ и другіе разсчитывали, что ихъ инте-

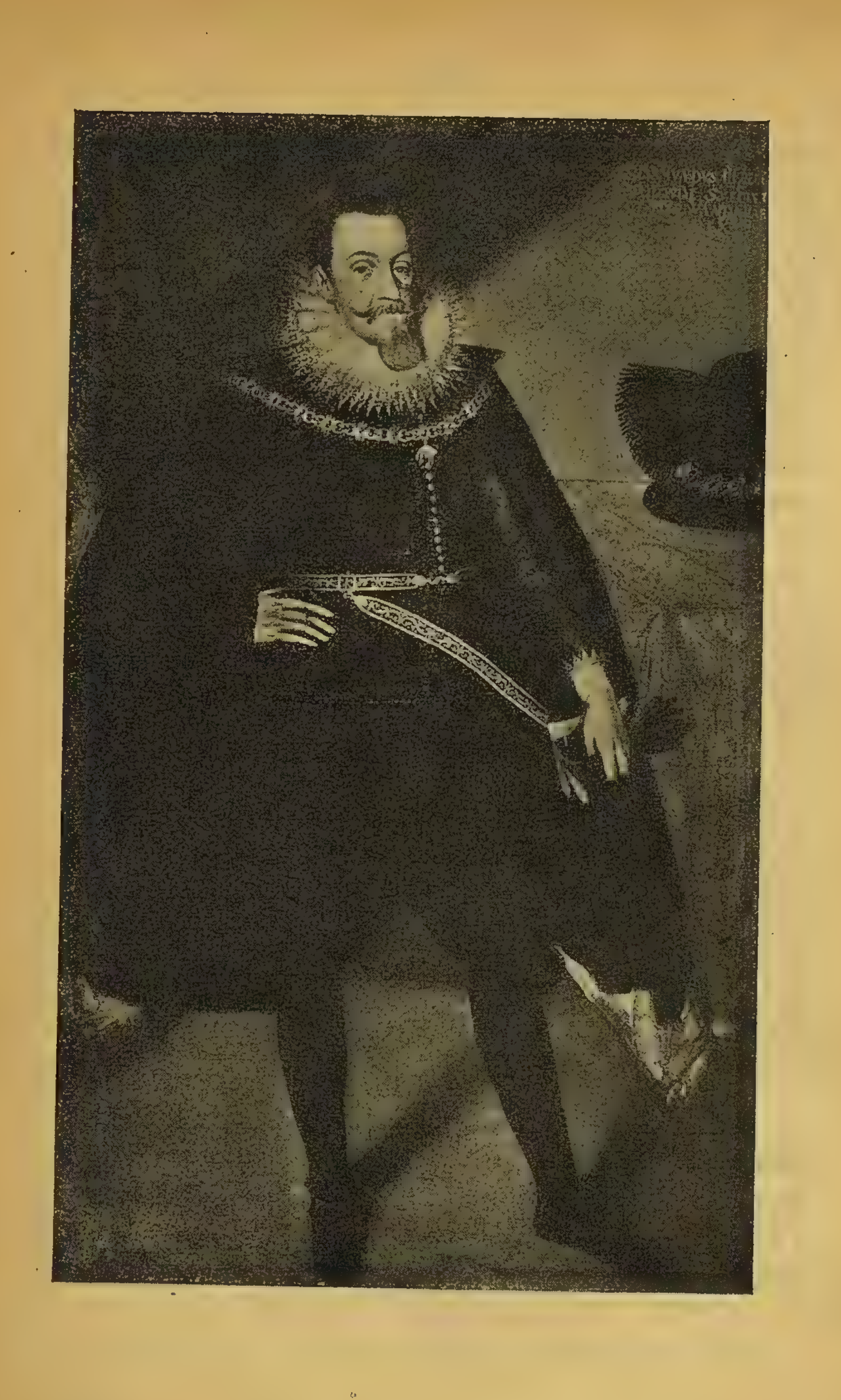
---

*) Доблестный полководецъ кн. М. Скопинъ-Шуйскій не могъ достойно встрѣтить врага; онъ умеръ въ Москвѣ.

ресы лучше будутъ ограждены королемъ, вышедшимъ изъ аристократической Польши, чѣмъ самозванцемъ. Въ августѣ 1610 г. Владиславъ былъ провозглашенъ въ Москвѣ русскимъ царемъ и долженъ былъ начать новую династію на русскомъ престолѣ. Гетманъ Жолкевскій, по условію, прогналъ отъ Москвы «Вора» и вступилъ съ польскими войсками въ Москву.

Въ Москвѣ было выбрано «великое посольство», въ составъ котораго вошли болѣе 1000 человѣкъ, во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ и бояриномъ кн. Вас. Вас. Голицынымъ. Послы были отправлены въ польскій лагерь подъ Смоленскъ и должны были требовать, чтобы Владиславъ немедленно пріѣхалъ въ Москву и принялъ православіе, и чтобы король снялъ осаду со Смоленска. Но Сигизмундъ уклонился отъ исполненія условій договора. Король самъ лично хотѣлъ сѣсть на московскій престолъ. Поэтому онъ не отпускалъ сына, не отступалъ отъ Смоленска и даже, наоборотъ, началъ противъ него штурмъ. Съ послами же велись долгіе и безполезные переговоры.

Былъ моментъ, когда опасный для Русскаго государства замыселъ короля Сигизмунда былъ очень близокъ къ исполненію. Ему удалось посѣять рознь въ составѣ «великаго посольства». Тогда какъ митрополитъ Филаретъ, кн. Голицынъ и нѣкоторые другіе крѣпко стояли за православіе и независимость государства, многіе послы, не смотря на данную ими въ Москвѣ клятву, пошли на подкупъ и

измѣну. Заручившись отъ Сигизмунда грамотами на помѣстья и вотчины, они возвратились въ Москву и начали дѣйствовать въ пользу признанія царемъ самого Сигизмунда. Боярское правительство въ Москвѣ лишилось всякаго значенія. Всѣ дѣла управленія, всѣ важнѣйшія мѣста въ московскихъ приказахъ захватили приверженцы Сигизмунда, изъ которыхъ первое мѣсто занимали бояринъ Михаилъ Салтыковъ и Ѳедоръ Андроновъ, бывшій торговый человѣкъ, кожевникъ, получившій на службѣ у Тушинскаго вора чинъ думнаго дворянина. Нѣкоторые изъ бояръ были арестованы и посажены подъ стражу. Оставшіеся на свободѣ бояре вели себя позорно, въ грамотахъ къ королю Сигизмунду называли себя его «вѣрно подданными» и обращались къ нему съ челобитьями о жалованіи и «деревнишкахъ». Грамоты въ государствѣ писались отъ имени короля Сигизмунда. Москва приняла видъ завоеваннаго города: крѣпости были заняты польскимъ гарнизономъ. Польскіе солдаты обижали народъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Такъ добровольное подчиненіе «царю» Владиславу привело на самомъ дѣлѣ къ позорному плѣну и иноземному завоеванію.

Въ довершеніе всего поляки, по соглашенію съ русскими измѣнниками Михаиломъ Салтыковымъ и «Ѳедькой Андроновымъ» рѣшили разорить и выжечь «царствующій городъ» Москву. Въ мартѣ 1611 г. они привели въ исполненіе свой злой умыселъ. Они подожгли церкви и дома въ Москвѣ;

затѣмъ стали избивать гражданъ и грабить то, что уцѣлѣло отъ огня. Каменныя церкви были разграблены, иконы поруганы, драгоцѣнности въ церквахъ, домахъ и въ царской казнѣ были расхищены. Не пощадили раки мощей Василія Блаженнаго, разсѣкли ее на части и на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, поставили коней и творили безчинства. Трупы убитыхъ побросали въ рѣку, а взятыхъ въ плѣнъ женщинъ подвергали поруганію. Многіе уцѣлѣвшіе отъ избіенія москвичи бѣжали изъ Москвы и на дорогѣ умирали отъ холода и голода.

Но это разореніе Москвы произошло уже въ то время, когда на выручку столицы отъ иноземнаго врага подвигалось первое земское ополченіе.

V.

Первое земское ополченіе. —Участіе въ немъ Н.-Новгорода.

Въ самомъ концѣ 1610 г. случилось одно событіе, имѣвшее нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшій ходъ вещей. Тушинскій воръ, бѣжавшій подъ натискомъ Жолкевскаго въ Калугу, здѣсь былъ убитъ. Теперь всѣхъ русскихъ людей тѣснѣе объединила одна общая опасность—иноземнаго завоеванія. Уже давно поведеніе короля Сигизмунда и поляковъ вызывало страшное недовольство и ропотъ въ населеніи, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Подъ вліяніемъ опасности, какая угрожала независимости государства и православію, въ русскихъ людяхъ происходитъ нравственный переломъ. Мы уже видѣли, какимъ позорнымъ поведеніемъ запятнало себя русское общество всѣхъ классовъ и всѣхъ положеній въ годы смуты. Теперь же «русскіе люди начали отрезвляться отъ собственной смуты, когда почувствовали надъ собой чужую руку». Постепенно растетъ и крѣпнетъ подъ-

емъ народнаго чувства, сознаніе общности своей родины и — необходимости защищать ее противъ врага, не останавливаясь передъ тяжелыми жертвами и лишеніями.

Яркимъ образчикомъ такой нравственной перемѣны являются «великіе послы» въ лагерѣ Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ. Оба они нѣкогда вели честолюбивую политику и отстаивали свои личные интересы въ борьбѣ съ Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ. Теперь же, понявъ всю опасность положенія государства и сознавая отвѣтственность принятой на себя задачи, они, несмотря на всѣ притѣсненія Сигизмунда, мужественно отстаивали интересы своей родины, ея свободу и независимость, не соглашаясь на происки Сигизмунда. Они не измѣнили своему долгу и тогда, когда были, наконецъ, ограблены и посланы плѣнниками въ Польшу. Филаретъ и Голицынъ пишутъ тайныя письма въ Москву, Смоленскъ, Ярославль и въ другіе города; въ нихъ они говорятъ о замыслахъ Сигизмунда, предупреждаютъ объ опасности и будятъ народное чувство въ обществѣ.

Такимъ же стойкимъ защитникомъ религіи и народности былъ въ Москвѣ патріархъ Гермогенъ. Суровый патріархъ рѣзко и твердо обличалъ въ свое время перебѣжчиковъ въ Тушинскій станъ, а затѣмъ — русскихъ измѣнниковъ, служивцевъ Сигизмунда. Бояринъ Салтыковъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе бояре, съ кн. Мстиславскимъ во главѣ,

приходили къ патріарху и стали просить его, чтобы онъ «благословилъ крестъ цѣловать королю (Сигизмунду)». Гермогенъ съ негодованіемъ отказался отъ всякихъ уступокъ и даже произнесъ проклятіе на Салтыкова. Салтыковъ бранилъ патріарха площадною бранью, а, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, даже бросался на него съ ножомъ. Но патріархъ остался непреклоненъ. Мало того, этотъ случай показалъ Гермогену, что нужно дѣйствовать рѣшительно. Въ ближайшій же день онъ послалъ собрать московскихъ гостей и торговыхъ людей въ Успенскій соборъ и обратился къ нимъ съ призывомъ не присягать иновѣрцу Сигизмунду. Въ скоромъ времени патріархъ расширилъ свою дѣятельность. Изъ Москвы онъ началъ разсылать по городамъ грамоты, въ которыхъ объяснялъ всѣмъ королевскую измѣну, разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и звалъ городскихъ людей, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, собравшись вмѣстѣ, шли къ Москвѣ на литовскихъ людей.

Патріархъ въ средѣ подчиненнаго ему духовенства не имѣлъ, повидимому, лицъ, открыто ему сочувствовавшихъ. Но въ самой Москвѣ нашлись люди, готовые устно и письменно возбуждать народъ противъ поляковъ, на защиту русскихъ національныхъ интересовъ. Они составляютъ и распространяютъ по Москвѣ подметныя письма и посылаютъ въ города грамоты отъ имени осажденныхъ смольнянъ и страдающихъ въ Москвѣ жителей; въ нихъ они горячо призываютъ русскихъ людей стать

«обще, за одно противъ враговъ», на освобожденіе родины.

Патріархъ Гермогенъ. (Съ порт. XVII в.).

Въ декабрѣ 1610 г. на московскихъ улицахъ было подброшено цѣлое подметное сочиненіе «Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ».

Составитель ея скрылъ свое имя. Онъ страстно призываетъ московскихъ людей къ вооруженному возстанію противъ поляковъ, къ расправѣ съ ними и русскими измѣнниками. Онъ рисуетъ въ яркихъ краскахъ бѣдственное положеніе государства, клеймитъ позоромъ предателей бояръ, рабски угождающихъ королю, которыхъ онъ называетъ «землесъѣдцами» и «кривителями». Съ особой ненавистью «Повѣсть» говоритъ о двухъ главныхъ предателяхъ—бояринѣ Салтыковѣ и Ѳедорѣ Андроновѣ. Составитель «Повѣсти» предсказываетъ скорую погибель Руси, если народъ не поддержитъ своихъ немногихъ защитниковъ, каковы «непоколебимый столпъ» и «твердый адамантъ»—патріархъ Гермогенъ, «великіе послы» подъ Смоленскомъ—митр. Филаретъ и кн. Голицынъ, и, наконецъ, осажденный, мужественно отбивающійся отъ враговъ, Смоленскъ.

Призывъ патріарха Гермогена и московскихъ людей нашелъ живой и быстрый откликъ. Нужно удивляться той быстротѣ, съ которой организовалось народное ополченіе за освобожденіе Москвы и государства отъ власти поляковъ. Въ декабрѣ 1610 г. патріархъ Гермогенъ началъ свой открытый призывъ къ народу на Рязани, въ Нижнемъ и въ др. городахъ. И уже въ февралѣ 1611 г. рязанскія, нижегородскія и ярославскія дружины двинулись къ Москвѣ. Въ мартѣ онѣ были уже подъ Москвой, гдѣ окончательно образовалось первое земское ополченіе, получившее названіе Ляпуновскаго.

Вождемъ этого ополченія, давшимъ ему свое имя, явился уже извѣстный намъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Самъ по себѣ это былъ человѣкъ далеко незаурядный, честолюбивый, пылкій и энергичный, умѣвшій объединить общество и руководить имъ. Съ 1606 по 1611 г. онъ играетъ видную роль во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ смуты, каковы: заговоръ противъ Шуйскаго въ Москвѣ, низложеніе Шуйскаго, избраніе Владислава, снаряженіе «великаго посольства», въ составъ котораго вошелъ братъ Прокопія, Захаръ Ляпуновъ. Положеніе дѣлъ въ Москвѣ ему было хорошо извѣстно. Какъ только Ляпуновъ убѣдился въ истинныхъ замыслахъ короля Сигизмунда и въ измѣнѣ московскаго боярскаго правительства, онъ отказалъ ему въ повиновеніи и поднялъ знамя возстанія на Рязани. За Ляпуновымъ пошло послушное ему рязанское дворянство. Вслѣдъ за Рязанью поднялись Владиміръ, Суздаль, Муромъ и др. города Клязменскаго и Пріокскаго края.

Одновременно начинается движеніе въ Поволжьи и на сѣверѣ. Нижній-Новгородъ, энергично выступавшій противъ Тушина въ 1608—1609 гг., принимаетъ еще болѣе дѣятельное участіе въ земскомъ движеніи 1611 г. До насъ дошла интересная грамота отъ Прокопія Ляпунова въ Нижній-Новгородъ, посланная имъ въ январѣ 1611 г. Изъ этой грамоты съ ясностью вырисовывается, какое важное значеніе самъ Ляпуновъ придавалъ участію въ дви-

женіи нижегородцевъ. Интересно и описаніе обстановки, при которой зарождалось движеніе.

— «Въ преименитый Новгородъ-Нижній,—пишетъ Ляпуновъ,—архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему освященному собору, и господамъ воеводамъ, и дьякамъ и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ Нижняго-Новгорода и разныхъ городовъ, головамъ (начальникамъ) стрѣлецкимъ и казачьимъ, и Литвѣ и нѣмцамъ (служилымъ иноземцамъ), и земскимъ старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ посадскимъ людямъ, и пушкарямъ и стрѣльцамъ, и казакамъ, всему христоименитому народу, Прокопій Ляпуновъ и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди, и торговые, и черные, рязанской области, челомъ бьютъ. Генваря, господа, въ 24 день, писали вы къ намъ съ сыномъ боярскимъ Иваномъ Аникіевымъ, что генваря въ 12 день пріѣхалъ съ Москвы къ вамъ, въ Нижній, сынъ боярскій Романъ Пахомовъ да посадскій человѣкъ Родіонъ Мосѣевъ, которые посланы были отъ васъ къ Москвѣ, къ святѣйшему Гермогену, патріарху Московскому и всея Руси, съ отписками и для подлинныхъ вѣстей; а въ разспросѣ, господа, вамъ сказывали, что приказывалъ съ ними въ Нижній къ вамъ свят. Гермогенъ рѣчью (на словахъ); а письма къ вамъ, господа, не привезли, что де у него писать некому, дьяки и подъячіе и всякіе дворовые люди у него пойманы, а дворъ его весь разграбленъ. Да вы жъ, господа, прислали къ намъ на Рязань цѣловальную запись, по которой вы

межъ собою крестъ цѣловали, и намъ бы по той записи такожъ крестъ цѣловати и съ вами стати за Московское государство заодинъ; а вы, господа, по благословенію свят. Гермогена и по совѣту всей земли, идите изъ Нижняго къ Москвѣ тотчасъ; и намъ бы прислати къ вамъ въ Нижній всякихъ чиновъ добрыхъ людей для совѣту и съ ними отписати, гдѣ намъ съ вами сходиться».

Далѣе Ляпуновъ сообщаетъ, что имъ, на Рязани, извѣстно о гоненіи и тѣснотѣ патріарху Гермогену, Москвѣ и всей Руси отъ богоотступниковъ бояръ и отъ польскихъ и литовскихъ людей, и что они «боярамъ московскимъ давно отказали», и съ окольными городами давно уже крестъ цѣловали за Московское государство со всею землею стоять вмѣстѣ, заодинъ, и съ литовскими людьми биться до смерти. Для договора и добраго совѣта рязанцы посылаютъ въ Нижній стряпчаго Ивана Биркина да дьяка Степана Пустошкина съ дворянами и всякихъ чиновъ людьми. Нижегородцамъ Прокопій совѣтуетъ выступать на Владиміръ, а самъ онъ съ рязанцами и другихъ городовъ людьми пойдетъ на Коломну, чтобы «намъ къ царствующему граду Москвѣ придти всѣмъ въ одинъ день». Въ заключеніе Ляпуновъ проситъ нижегородцевъ отписать во всѣ Понизовскіе и Поморскіе города, чтобы они всѣ шли «къ царствующему граду Москвѣ наспѣхъ, къ намъ же въ сходъ».

Такимъ образомъ, изъ грамоты видно, что нижегородцы уже давно, съ начала января, если не

раньше, находились въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Рязанью и непосредственно съ Москвой; нижегородскіе послы, Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосѣевъ, безстрашно проникаютъ къ самому патріарху Гермогену, уже подвергшемуся въ то время жестокому притѣсненію отъ поляковъ, и привозятъ отъ него подлинныя вѣсти и словесныя наставленія, такъ какъ патріархъ былъ лишенъ средствъ письменно сноситься со своею паствой. Нижегородцы, далѣе, посылаютъ отъ себя особыхъ довѣренныхъ лицъ съ грамотами въ другіе города съ призывомъ стать «заодинъ» и идти «на польскихъ и на литовскихъ людей". Такъ сохранились грамоты съ подобнымъ призывомъ изъ Нижняго-Новгорода въ Вологду. Нижегородцы пересылаютъ въ Вологду грамоты, полученныя ими изъ Москвы; одну «ото всякихъ московскихъ людей», а другую, «что писали изъ-подъ Смоленска московскіе люди къ Москвѣ». Нижегородцы извѣщаютъ вологжанъ, что они, собрався со всѣми людьми изъ Нижняго-Новгорода (подъ начальствомъ воеводы кн. Александра Андр. Репнина), идутъ къ Москвѣ, и что съ ними идутъ «многіе ратные люди разныхъ и окольныхъ и низовыхъ городовъ». Въ грамотѣ изъ Ярославля въ Вологду ярославцы также упоминаютъ о полученіи грамоты изъ Нижняго-Новгорода.

Такъ, Нижній-Новгородъ является какъ бы другимъ, послѣ Рязани, центромъ, около котораго сосредоточивается земское движеніе 1611 г. Въ немъ принимаютъ участіе почти всѣ тѣ же города и тѣ

же классы населенія, служилые, торговые и посадскіе люди, которые поднимались въ 1608—1609 г.г. И теперь, какъ прежде, служилыхъ и тяглыхъ людей побуждали къ возстанію насилія и грабежи польскихъ людей по городамъ и уѣздамъ и полное разстройство хозяйственной, промышленно-торговой жизни. Но теперь, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, въ русскихъ людяхъ заговорило и сильное патріотическое чувство: города объединялись для защиты родины отъ польскихъ и литовскихъ людей.

Но въ союзъ съ Ляпуновымъ вошли и совершенно новыя группы: то были тушинскіе ратные люди, оставшіеся не у дѣлъ послѣ смерти «Вора»: тутъ было нѣсколько воеводъ, оставшихся до конца въ Тушинскомъ станѣ, во главѣ съ «тушинскимъ бояриномъ» княз. Дмитріемъ Тимоф. Трубецкимъ, сѣверскіе и украинскіе служилые люди, а, главнымъ образомъ, толпы казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ. Ляпуновъ заключилъ союзъ съ этой «воровской» ратью съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы имѣть ее не врагомъ въ тылу у себя, а союзникомъ въ борьбѣ съ поляками. Онъ привлекъ тушинцевъ и казаковъ обѣщаніемъ награды и воли бывшимъ крѣпостнымъ и боярскимъ холопамъ.

Но послѣдствія показали, что такой союзъ разнородныхъ и враждебныхъ другъ къ другу слоевъ населенія окончился весьма печально.

Подъ Москвой собралось, въ общемъ, многочисленное ополченіе, до 100,000 человѣкъ. Поляки,

числомъ всего до 3000, были осаждены въ Кремлѣ и въ Китай-городѣ. Вмѣстѣ съ ними сѣли въ осаду бояре, кн. Мстиславскій «съ товарищи», которые смотрѣли на земское ополченіе, какъ на мятежъ.

Между тѣмъ, рать, собравшаяся подъ Москвой, энергично принялась за устройство не только военныхъ дѣлъ, но и управленія государствомъ. Ополченіе смотрѣло на себя, какъ на «совѣтъ всей земли», которому принадлежала верховная власть. Исполнительная власть была поручена тремъ главнымъ воеводамъ: кн. Трубецкому, атаману Заруцкому и Ляпунову. Ляпуновъ по чину писался третьимъ послѣ бояръ Трубецкого и Заруцкаго, но на дѣлѣ былъ первымъ и распоряжался самостоятельно. Для дѣлопроизводства при ополченіи были учреждены приказы, а на города, для управленія и сбора доходовъ, посылались воеводы.

Дѣло, казалось, было налажено хорошо. Перевѣсъ надъ непріятелемъ былъ громадный. Но, тѣмъ не менѣе, ополченіе, простоявъ подъ Москвой около 4-хъ мѣсяцевъ, распалось, ничего не достигнувъ.

Причина этого заключалась въ томъ, что не удалось достигнуть согласія между двумя главными составными частями ополченія, служилыми людьми и казачествомъ. Ляпуновъ, соединившись съ казаками, повторилъ ту самую ошибку, которую онъ уже разъ допустилъ въ 1606 г., вступивъ въ союзъ со скопищами Болотникова.

На «совѣтѣ всей земли» 30 іюня 1611 г. былъ

постановленъ важный приговоръ, показавшій, что главную силу въ подмосковномъ ополченіи составляли служилые люди, пришедшіе вмѣстѣ съ Ляпуновымъ. Въ этомъ приговорѣ постановлены разныя статьи, касающіяся положенія служилыхъ людей и казачества. Какъ участники подмосковной рати, такъ и служилые люди вообще обезпечиваются, по приговору, денежнымъ жалованіемъ и земельными дачами—помѣстьями. Но при этомъ были проведены ограничительныя статьи, касавшіяся бывшихъ тушинцевъ и сторонниковъ Сигизмунда, которые успѣли запастись грамотами отъ «Вора» и отъ польскаго короля на чрезмѣрныя земельныя дачи. По приговору, рѣшено было ихъ отобрать. Далѣе, по отношенію къ казачеству, бѣглымъ крестьянамъ и холопамъ было постановлено только «старымъ», т.-е. ранѣе служившимъ государству казакамъ, назначить жалованье и помѣстья; всѣхъ же бѣглыхъ людей, крестьянъ и холоповъ, хотя и называвшихъ себя казаками, рѣшено было возвратить ихъ бывшимъ господамъ. Проведено было и еще обидное для казаковъ постановленіе: всѣ казаки, безъ исключенія, устраняются отъ занятій воеводскихъ и другихъ правительственныхъ должностей.

Такимъ образомъ, приговоръ 30 іюня узаконялъ старый московскій служилый земельный порядокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ самый крѣпостной строй, на борьбу съ которымъ поднялись казачество и низшіе, крѣпостные, слои населенія. Если прибавить сюда еще мѣры строгости, принятыя Ляпуно-

вымъ противъ «воровства», т.-е. грабежей и разбоя, которые казаки учиняли подъ Москвой и по городамъ, то можно представить себѣ недовольство бывшихъ тушинцевъ и казаковъ, превратившееся въ жгучую ненависть къ Ляпунову. Къ тому же еще между послѣднимъ и двумя другими вождями ополченія, кн. Трубецкимъ и Заруцкимъ, обнаружилось соперничество изъ-за власти.

И вотъ, въ іюлѣ 1611 г., враги Ляпунова заманили его для объясненій въ казачій «кругъ» (собраніе) и тамъ измѣннически убили.

Со смертью главнаго вождя, ссоры между служилыми людьми и казаками еще болѣе усилились. Служилые люди начали разъѣзжаться по домамъ, и ополченіе распалось. Подъ Москвой остались только «воровскіе» отряды Трубецкого и Заруцкаго; въ ихъ руки перешла и правительственная власть, устроенная въ ополченіи. Земское правительство превратилось въ казачье. Казаки теперь уже безъ удержу принялись за грабежи и разбои.

Такъ неудачно закончилась попытка земскихъ людей къ возстановленію государственнаго порядка.

Между тѣмъ, король Сигизмундъ взялъ приступомъ Смоленскъ. Въ Псковѣ появился третій Лжедимитрій (какой-то Сидорка).

Въ такомъ положеніи дѣло находилось къ осени 1611 г. Государство стояло на краю гибели.

VI.

Нижегородское ополченіе.

Русскіе люди были поражены тяжестью постигшаго ихъ бѣдствія. То настроеніе, которое переживало русское общество, сознаніе безпримѣрности несчастія, глубокая скорбь, охватившая всѣхъ въ это время, отразились въ сохранившемся до насъ сочиненіи «Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства». Сочиненіе это было написано какъ-разъ послѣ распаденія Ляпуновскаго ополченія, осенью 1611 или въ началѣ 1612 г. «Кто отъ правовѣрныхъ не восплачетъ, или кто рыданія не исполнится, видѣвъ пагубу и конечное паденіе толикаго многонароднаго государства!.. Ни едина книга богословецъ ниже житія святыхъ, ни царственныя книги, ни хронографы, ни историки, ни прочія повѣстныя книги не произнесоша намъ таковаго наказанія ни на едину

монархію, ниже на царства и княженія, еже случися надъ превысочайшею Россіею“. Описавъ бѣдствія самозванщины, смуты при царѣ Василіи Шуйскомъ, разоренія государства отъ поляковъ и сожженія Москвы, авторъ еще разъ восклицаетъ: «Кто не исполнится отъ христіанъ плача и рыданія? Кто не ужаснется, толикую скорбь и язву слышавъ о присной по духу братіи своей?» Нѣтъ выхода изъ такого несчастія. Одна надежда осталась—на небесную помощь. Авторъ призываетъ молиться, чтобы Господь пощадилъ «останокъ рода христіанскаго» и оградилъ миромъ «останокъ Россійскихъ царствъ, градовъ и весей».

Подъемъ религіознаго чувства достигалъ сильнаго напряженія и выражался въ чудесныхъ видѣніяхъ, которымъ вѣрили какъ тѣ, кому бывали такія видѣнія, такъ и тѣ, кто о нихъ слышалъ. Такъ осенью 1611 г., уже послѣ смерти Ляпунова, въ полкахъ подъ Москвою распространилось извѣстіе о нижегородскомъ видѣніи.

Видѣніе было въ Нижнемъ-Новгородѣ одному благочестивому человѣку, по имени Григорію. По его собственному разсказу, видѣніе заключалось въ слѣдующемъ. Отговѣвъ постомъ, въ ночь на воскресенье, Григорій спалъ въ храминѣ. Вдругъ поднялась кровля храма того и раздвинулась на всѣ четыре стороны. Въ сіяніи небеснаго свѣта Григорій увидѣлъ «Господа, сходящаго въ образѣ человѣкомъ» и съ нимъ человѣка въ бѣлыхъ ризахъ. Господь благословилъ Григорія и велѣлъ ему про-

повѣдать «во градѣ семъ, чтобы приняли постъ и молитву съ покаяніемъ». Затѣмъ въ бесѣдѣ со своимъ спутникомъ Господь далъ откровеніе о будущей судьбѣ Московскаго государства. Господь возвѣстилъ, что онъ проститъ православныхъ христіанъ въ Россійскомъ государствѣ, если они покаются и будутъ поститься «три дня и три нощи». Господь очиститъ Московское государство отъ враговъ-иноплеменниковъ. По очищеніи Москвы, надлежитъ воздвигнуть новый храмъ близъ Василія Блаженнаго, и въ этомъ храмѣ, на престолѣ, «на бумагѣ неписанной», будетъ чудеснымъ образомъ изображено имя, «кому владѣти Московскимъ государствомъ». При этомъ Григорію было открыто, что Нижній-Новгородъ постигнетъ «буря велія изъ рѣки Волги», если Григорій скроетъ свое видѣніе, или же если нижегородцы «во градѣ семъ удержатъ Мое явленіе и, написавъ, не пошлютъ въ Московское государство и въ иные грады».

Григорій не ослушался того, что было указано въ видѣніи. Онъ записалъ его и распространилъ свое сказаніе. Хотя самъ Григорій оказался никому невѣдомымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, но уже осенью 1611 г. его сказаніе обошло многіе города: Ярославль, Вологду, Вел. Устюгъ. Русскіе люди съ вѣрой отнеслись къ разсказу Григорія и налагали на себя постъ. Постъ соблюдали настолько строго, что по извѣстію лѣтописи многіе младенцы помирали съ того поста, и что даже скоту не давали пищи.

Такъ сильна была въ русскомъ обществѣ потребность нравственно очиститься и покаяніемъ получить избавленіе отъ бѣдствій Смуты.

Избавленіе пришло. Оно было достигнуто силами тѣхъ самыхъ земскихъ людей, которые уже два раза поднимались на защиту государства. На этотъ разъ земское движеніе возникло и выросло въ Нижнемъ-Новгородѣ. Нижегородскіе вожди, ставшіе въ главѣ нижегородскихъ дружинъ, объединили вокругъ себя всю земщину въ борьбѣ съ поляками и «ворами»—казаками.

Первымъ вдохновителемъ новаго земскаго ополченія былъ все тотъ же патріархъ Гермогенъ, запечатлѣвшій свой патріотическій подвигъ мученической смертью въ заключеніи Чудова монастыря. Сидя подъ крѣпкой стражей патріархъ все же находилъ средства сноситься съ внѣшнимъ міромъ. Онъ чутко слѣдилъ и за тѣмъ, что дѣлается въ Москвѣ, у поляковъ, и въ казацкихъ таборахъ подъ Москвой. Онъ имѣлъ и самоотверженныхъ людей, которые, несмотря на всѣ затрудненія, проникали къ узнику и служили для него средствомъ общенія съ паствой. Это были все тѣ же нижегородцы, Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ, которыхъ самъ патріархъ называетъ въ своей грамотѣ безстрашными.

25 августа 1611 г., мѣсяцъ спустя послѣ смерти Ляпунова, Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ привезли въ Нижній новую грамоту отъ патріарха. Торопливо и въ большомъ душевномъ вол-

неніи патріархъ пишетъ въ Нижній-Новгородъ о новомъ воровскомъ замыслѣ казаковъ посадить на царство Маринкина сына (маленькаго сына Марины Мнишекъ и Тушинскаго вора). Патріархъ даетъ наказъ нижегородцамъ, чтобы они немедля писали грамоты въ Казань, Вологду, на Рязань и «во всѣ городы», чтобы отовсюду писали учительныя грамоты къ боярамъ и атаманьѣ (Трубецкому и Заруцкому), чтобы они унялись отъ грабежа, стояли бы крѣпко въ вѣрѣ и отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажали. Затѣмъ патріархъ наказалъ всѣ тѣ грамоты изъ городовъ собрать къ себѣ въ Нижній и прислать въ полки къ боярамъ. «А вамъ всѣмъ отъ насъ, писалъ въ заключеніе старецъ, благословенье и разрѣшенье въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; я долженъ за васъ Бога молить».

Такъ писалъ патріархъ въ свой любезный Нижній-Новгородъ, дѣлая его живымъ средоточіемъ переписки со всѣми городами. Обращался же онъ съ этой цѣлью не въ какой-либо другой городъ, а именно въ Нижній потому, что ему давно уже была извѣстна нравственная крѣпость» этого города въ Смуту и его вліяніе на обширный Приволжскій край; давно уже онъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Нижнимъ, и теперь черезъ него указывалъ всѣмъ городамъ, что наряду съ опасностью отъ поляковъ государству угрожаетъ другая неменьшая опасность отъ «воровъ»-казаковъ.

И нижегородцы не обманули ожиданія Гермогена.

Они свято исполнили его наказъ о разсылкѣ его грамоты по городамъ. Но мало этого, въ Нижнемъ очень скоро, въ слѣдующемъ же сентябрѣ мѣсяцѣ, началась работа по устройству новаго земскаго ополченія.

Во главѣ этого великаго дѣла сталъ представитель нижегородской посадской общины, земскій староста Кузьма Мининъ.

Мининъ по промыслу былъ «говядарь»—продавецъ мяса и рыбы. Торговые обороты его достигали 300 р. въ годъ, что для того времени ука-

Сборъ пожертвованій въ Нижнемъ-Новгородѣ.

зывало на значительный достатокъ Кузьмы. Онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ своей братіи, посадскихъ людей, выбравшихъ его въ число земскихъ старостъ, завѣдывавшихъ хозяйствомъ городской тяглой общины. Та роль, въ которой выступилъ далѣе Мининъ, показываетъ, что онъ не былъ человѣкомъ, узко замкнувшимся въ торговомъ дѣлѣ; наоборотъ, онъ чутко слѣдилъ за общественной жизнью не только въ своемъ городѣ, но и во всемъ государствѣ. А судя по тому, какъ онъ повелъ это дѣло, можно признать въ немъ недюжинный умъ, твердость характера, высокую честность и преданность родинѣ.

Возбужденный вѣстями изъ-подъ Москвы, подъ впечатлѣніемъ Гермогеновской грамоты, Мининъ началъ говорить передъ всѣми о необходимости «чинить промыселъ» надъ врагами. Выступилъ онъ съ такой рѣчью передъ своими выборщиками—посадскими людьми въ земской избѣ, въ которой, какъ теперь въ городской думѣ, велись всѣ дѣла тяглаго городского міра. (Земская изба стояла тогда близъ церкви Николая Чудотворца на торгу—на Нижнемъ базарѣ, недалеко отъ современныхъ пароходныхъ пристаней). Рѣчь Минина была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ, и тогда же былъ написанъ первый приговоръ, которымъ опредѣлялся особый сборъ на «строеніе ратныхъ людей». Произвести такой сборъ поручалось Минину. Такъ было сдѣлано важное дѣло,—положенъ починъ ополченію, освободившему государство отъ Смуты; этотъ

починъ принадлежитъ нижегородской посадской общинѣ.

О начатомъ дѣлѣ заговорили въ городѣ. Оно вызвало сочувствіе и другихъ слоевъ городского населенія, въ средѣ духовенства, приказныхъ властей и служилыхъ людей. Нижегородскія власти созвали совѣтъ на воеводскомъ дворѣ. На томъ совѣтѣ были: архимандритъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій, протопопъ нижегородскаго Спасо-Преображенскаго собора Савва съ братіею и иные попы, дворяне и дѣти боярскіе, головы и старосты, и между ними—Кузьма Мининъ. На совѣтѣ было рѣшено собрать на другой день нижегородцевъ въ Спасо-Преображенскій соборъ въ Кремлѣ, прочесть тамъ только что полученную грамоту властей Троице-Сергіева монастыря, призывавшую всю земщину на борьбу съ поляками, но, вопреки Гермогену, въ союзѣ съ подмосковнымъ казачествомъ, и—звать народъ на помощь Москвѣ.

Воеводами въ Нижнемъ въ это время были окольничій кн. Василій Андр. Звенигородскій и дворянинъ Андрей Семен. Алябьевъ, тотъ самый, который предводительствовалъ нижегородскими дружинами въ 1608—1609 г г., въ борьбѣ съ тушинцами. Воеводы не отказались поддержать начавшееся движеніе въ городѣ, но, въ частности, относительно кн. Звенигородскаго, не видно, чтобы онъ самъ занялъ дѣятельную и руководящую роль въ этомъ движеніи. По неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, онъ не сдѣлался вождемъ нижегородскаго

ополченія. Зато видное мѣсто въ нижегородскомъ подвигѣ занимаетъ духовное лицо, Спасскій протопопъ Савва Ефимьевъ. Протопопу Саввѣ принадлежало первенство въ духовенствѣ всего Нижняго-Новгорода. Особой царской грамотой царя Василія Ив. Шуйскаго, опредѣлявшей жалованье, вотчины права соборнаго духовенства, нижегородскимъ игуменамъ и попамъ всего города указывалось «Спасскаго протопопа Саввы слушати, на соборъ по воскресеньямъ къ молебнамъ и по праздникамъ къ церквамъ приходити»; за ослушаніе протопопъ могъ налагать на игуменовъ, поповъ и дьяконовъ денежные штрафы, а за упорное непослушаніе могъ даже сажать въ тюрьму на недѣлю. Очень важно было для всего дѣла привлечь къ нему такое видное лицо, которое могло оказать большое нравственное вліяніе на всѣхъ нижегородцевъ. И, дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда задуманный Мининымъ подвигъ очищенія отъ враговъ всего государства изъ дѣла одной тяглой посадской общины долженъ былъ превратиться въ дѣло всего Нижняго-Новгорода, протопопъ Савва сыгралъ очень важную роль.

Утромъ, на другой день послѣ совѣщанія на воеводскомъ дворѣ, нижегородцы колокольнымъ звономъ были собраны въ Спасо-Преображенскій соборъ. Послѣ обѣдни «предъ святыми вратами» протопопъ Савва читалъ народу троицкую грамоту и обратился съ рѣчью, призывавшей народъ на великій подвигъ. Послѣ протопопа держалъ рѣчь Мининъ. Такъ, по разсказу одного письменнаго па-

мятника, началось въ Нижнемъ дѣло освобожденія Москвы и всего государства. Нижегородцы, вдохновленные призывомъ своихъ вождей, энергично принялись за дѣло *).

Дѣло было не легкое. Нужно было, во-первыхъ, собрать средства для устройства и содержанія большой рати, а во-вторыхъ, предстояло набрать и устроить самую рать.

Устройство и снаряженіе нижегородскаго ополченія имѣетъ ту очень важную особенность, что тяглые посадскіе люди, на которыхъ всегда падала и теперь легла главная тягота по содержанію рати, приняли важнѣйшее участіе въ управленіи ратью, именно съ этой финансовой стороны. Управленіе казной, которая поступала отъ тяглыхъ людей, отдано было въ руки самихъ жертвователей. Такой способъ очищалъ дѣло отъ всякихъ навѣтовъ и подозрѣній въ неправильномъ и своекорыстномъ расходованіи земской казны и содѣйствовалъ устроенію крѣпкаго, единодушнаго ополченія. Подъ Москвой казна, привозимая изъ городовъ, поступала въ руки атамана Заруцкаго, который пользовался ею, какъ хотѣлъ, и раздавалъ своимъ единомышленникамъ, а другіе помирали съ голоду и «брели со службы прочь». Такъ поступали и многіе другіе воеводы.

---

*) Протопопъ Савва участвовалъ въ посольствѣ отъ Нижняго въ Казань, для привлеченія ея къ нижегородскому ополченію. Затѣмъ, онъ былъ выбранъ отъ Нижняго-Новгорода на земскій соборъ въ Москву, послѣ ея очищенія, для избранія государя, а по избраніи Михаила Ѳеодоровича, поѣхалъ навстрѣчу новому государю.

Они всегда бывали полными распорядителями казны. Теперь же подлѣ воеводы становился выборный посадскій человѣкъ, при томъ не въ подчиненномъ, а въ равномъ къ нему отношеніи. Такимъ выборнымъ человѣкомъ былъ первый зачинщикъ всего дѣла—Мининъ. Онъ былъ выбранъ «окладчикомъ»— для раскладки, взиманія и храненія денежныхъ оборотовъ, при чемъ онъ долженъ былъ оставить должность земскаго старосты. По приговору нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей, Кузьма окладывалъ ихъ, «съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткамъ и по промысламъ»; въ своемъ приговорѣ нижегородцы, между прочимъ, даютъ такое обѣщаніе: «на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ, отбирать не только имущество, а и дворы, и женъ и дѣтей закладывать, продавать, а ратнымъ людямъ давать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было». Этихъ послѣднихъ словъ не нужно, разумѣется, понимать въ томъ буквальномъ смыслѣ, что неимущихъ бѣдняковъ заставляли на самомъ дѣлѣ закладывать и продавать въ рабство женъ и дѣтей. Нѣтъ, въ этихъ словахъ выражалась только глубина народнаго воодушевленія, мысль о томъ, что настало время идти на всякія жертвы для спасенія отечества, отдать на общее дѣло послѣднюю копейку. Такъ, нижегородцы не одинъ разъ «приговаривали» брать третью или пятую деньгу, т.-е. третью или пятую долю съ имущества, «кто что имѣлъ». Само собой разумѣется, что дать такую

долю - значило уже принести большую жертву. Между тѣмъ есть извѣстіе, что многіе добровольно давали больше, сверхъ оклада.

Такъ велось дѣло въ Нижнемъ. Такъ велъ его Мининъ и послѣ, когда нижегородская рать сдѣлалась всероссійской и двинулась на освобожденіе Москвы Вмѣстѣ съ ратью пошелъ и Мининъ, завѣдуя по прежнему ратной казной.

Это важное дѣло было такъ хорошо налажено, что, по согласному свидѣтельству лѣтописцевъ, ратные люди Нижегородскаго ополченія въ продолженіе всего времени были въ довольствѣ обезпечены жалованьемъ и «кормомъ». Принятымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на службу смольнянамъ, которые были прогнаны со своихъ земель нашествіемъ Сигизмунда и блуждали по государству въ поискахъ мѣста и дѣла, было дано очень большое по тому времени жалованье въ 50, 45 и 40 руб. въ годъ. Мининъ, говоритъ лѣтописецъ, «жаждущія сердца ратныхъ утолялъ, и наготу ихъ прикрывалъ, и во всемъ ихъ покоилъ, и сими дѣлами собралъ воинство не малое».

Въ составъ этого «воинства» вошли прежде всего мѣстные ратные люди: дворяне, стрѣльцы и служилые казаки. Къ нимъ присоединились только что упомянутые смоленскіе пришельцы, которыхъ было не мало, до 2000 человѣкъ. Такъ составилось основное ядро Нижегородскаго ополченія. Чтобы успѣшно продолжать дѣло, нужно было остановиться на выборѣ главнаго воеводы, который сталъ

бы вождемъ всего ополченія. Выборъ нижегородцевъ «всѣмъ городомъ» палъ на стольника кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Князья Пожарскіе происходили изъ стариннаго и знатнаго рода князей Стародубскихъ, владѣвшихъ

большими вотчинами въ Нижегородскомъ и Суздальскомъ краѣ. Но въ XVI в. Пожарскіе подверглись опаламъ и въ особенности сильно потерпѣли отъ опричнины Грознаго. Многія вотчины ихъ были конфискованы; понизились Пожарскіе и по службѣ, такъ что съ вершины московской аристократіи опу-

стились до среднихъ ея слоевъ. Кн. Дмитрій Михайловичъ началъ свою службу при царѣ Ѳеодорѣ въ чинѣ стряпчаго. Но Годуновъ также не жаловалъ Пожарскихъ. Все это заставило кн. Дмитрія Михайловича стать на сторону той партіи боярской знати, которая повела борьбу съ Годуновскими порядками и возвела на престолъ «боярскаго» царя Василія Шуйскаго. Кн. Дмитрій Мих. вѣрно служитъ Шуйскому въ воеводахъ. Въ 1608 г., во время всеобщей измѣны, Пожарскій сидѣлъ съ царемъ Шуйскимъ въ Москвѣ, въ осадѣ отъ Тушинскаго вора, и не разъ выручалъ царя изъ опаснаго положенія. За Московское осадное сидѣніе Шуйскій наградилъ Пожарскаго вотчиной. Въ грамотѣ по этому поводу царь пишетъ: «Пожаловали за его прямую службу, что, будучи въ Москвѣ, въ осадѣ, въ нужное и прискорбное время противъ враговъ онъ стоялъ крѣпко и мужественно, и многую службу и дородство показалъ, голодъ и во всемъ оскудѣнье и всякую осадную нужду терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безо всякія шатости»... Въ 1610 г. Пожарскій былъ назначенъ воеводой въ Зарайскъ и до конца удержалъ городъ въ вѣрности Шуйскому.

Зарайскимъ воеводой Пожарскій оставался и во время междуцарствія, послѣ сведенія съ престола царя Василія. Но на сторонѣ боярскаго правительства кн. Пожарскій стоялъ только до тѣхъ поръ,

пока бояре не измѣнили государству и не предались Сигизмунду.

Когда раздался зовъ патріарха Гермогена стать всѣмъ заодно и очистить землю отъ враговъ, Пожарскій откликнулся однимъ изъ первыхъ и усердно помогалъ Ляпунову въ борьбѣ съ черкасами (малороссійскими казаками) и русскими «ворами», которыхъ измѣнное боярское правительство напустило на Рязанскую область, чтобы преградить Ляпунову доступъ къ Москвѣ. Пожарскій выручилъ Ляпунова, когда тотъ попалъ въ тѣсную осаду отъ черкасъ и «воровъ» въ гор. Пронскѣ. Затѣмъ Пожарскій однимъ изъ первыхъ воеводъ ополченія пришелъ къ Москвѣ и принялъ участіе въ жаркой схваткѣ съ поляками, какъ разъ на другой день послѣ пожара и разоренія Москвы. Въ бою Пожарскій былъ израненъ и отвезенъ сначала въ Троице-Сергіевъ монастырь, а затѣмъ уѣхалъ въ свою Суздальскую вотчину, с. Мугрѣево, находившееся въ 120 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, и тамъ лечился отъ ранъ.

Боевыя заслуги кн. Дмитрія Михайловича и его крѣпкое стояніе за общее земское дѣло были, конечно, хорошо извѣстны въ его родномъ краю, Суздальскомъ и Нижегородскомъ. Когда на общемъ совѣтѣ нижегородцевъ зашла рѣчь, кого выбрать воеводой ополченія, то были положены такія условія: выбрать «мужа честна, кому заобычно ратное дѣло, который въ такомъ дѣлѣ искусенъ и который въ измѣнѣ не явился»... Трудно было выбрать

человѣка, болѣе подходящаго къ этимъ требованіямъ, чѣмъ кн. Пожарскій. Поэтому, какъ только было произнесено его имя, то весь городъ остановился на немъ. Рѣшили послать къ нему посольство, въ составъ котораго вошли: архимандритъ Печерскаго монастыря Ѳеодосій, дворянинъ Жданъ Болтинъ и «изо всѣхъ чиновъ всякіе лучшіе люди». Кн. Пожарскій принялъ предложеніе и уже въ концѣ октября пріѣхалъ въ Нижній, когда тамъ кипѣла работа по устройству рати. Теперь во главѣ этого дѣла сталъ Пожарскій, оставивъ въ завѣдываніи Минина земскую казну.

Вмѣстѣ съ разборомъ мѣстныхъ ратныхъ людей и смольнянъ, нижегородцы занялись сношеніями и съ другими городами и волостями, сначала ближайшими, призывая ихъ присылать въ Нижній не только деньги и ратныхъ людей, чтобы идти «на очищеніе Московскаго государства», но и—выборныхъ людей для совѣта. Такъ было отправлено посольство для привлеченія на свою сторону Казани. Городское движеніе Нижняго-Новгорода выростало въ областное, а затѣмъ и въ обще-земское движеніе, когда Пожарскій, въ концѣ января или началѣ февраля 1612 г., обратился съ призывною грамотою къ Поморскимъ и «Верховымъ» городамъ, прежде всего къ Вологдѣ и Ярославлю. Средніе, служилые и тяглые люди вновь откликнулись на зовъ о соединеніи для очищенія государства отъ враговъ.

Въ мартѣ 1612 г. ополченіе двинулось изъ Ниж-

няго. Но Пожарскій пошелъ не прямо къ Москвѣ, какъ онъ думалъ сначала, а избралъ кружный путь на Кострому и Ярославль. Къ этому его побудило извѣстіе, что казаки Заруцкаго хотятъ захватить Ярославль и др. заволжскіе города, чтобы прервать сообщеніе Нижняго съ Поморьемъ. Но передовой отрядъ, высланный Пожарскимъ, успѣлъ ранѣе казаковъ занять Ярославль, куда самъ Пожарскій съ главными силами пришелъ къ 1-му апрѣля. Такъ прежде всего пришлось столкнуться съ внутреннимъ врагомъ—подмосковными казачьими таборами. Это окончательно опредѣлило отношеніе Пожарскаго и земской рати къ казакамъ Заруцкаго и Трубецкого. Примиреніе и соединеніе обѣихъ сторонъ въ борьбѣ противъ поляковъ оказывалось невозможнымъ. Пожарскій не повторилъ въ этомъ отношеніи ошибки Ляпунова.

Въ Ярославлѣ Пожарскій оставался около 4 мѣсяцевъ, до августа 1612 г. Такое замедленіе имѣло весьма важныя причины и указывало на ту чрезвычайную осмотрительность и осторожность, съ которыми дѣйствовали вожди Нижегородскаго ополченія. Ярославль, какъ крупнѣйшій городъ во всемъ Замосковьѣ и Поморьѣ, представлялся наиболѣе удобнымъ центромъ, къ которому можно было стянуть всѣ земскія силы. Отсюда Пожарскій разсылаетъ по городамъ окружныя грамоты съ извѣщеніемъ о своемъ ополченіи и съ призывомъ къ общему соединенію. Кромѣ денегъ и рати, Пожарскій просилъ города присылать также выборныхъ по два

и по три человѣка «изо всякихъ чиновъ людей» для «общаго земскаго совѣта». Изъ выборныхъ составился «совѣтъ всея земли»—земскій соборъ, которому принадлежала верховная власть. При войскѣ устроена была администрація по московскому образцу, въ видѣ приказовъ. Отсюда посылались воеводы на города Такъ въ Ярославлѣ образовавалось временное правительство, простиравшее свою власть на всю Землю, что имѣло важнѣйшее значеніе для замиренія внутренней смуты, внутренней розни.

Силу этого «всемірнаго соединенія» хорошо поняли тушинскіе бояре, Трубецкой и Заруцкій. Они прислали въ Ярославль къ Пожарскому повинную, вмѣстѣ съ просьбой поспѣшить къ Москвѣ. Но Пожарскій съ воеводами, принявъ съ честью казачьихъ пословъ, не спѣшили имъ довѣриться. Напротивъ, передовые земскіе отряды выбивали казаковъ изъ занятыхъ ими на сѣверѣ городовъ. Наконецъ, Заруцкій употребилъ послѣднее средство противъ Пожарскаго: подослалъ въ Ярославль убійцъ. Только случай спасъ Пожарскаго отъ смерти: ударъ ножомъ вмѣсто воеводы пришелся стоявшему около него казаку.

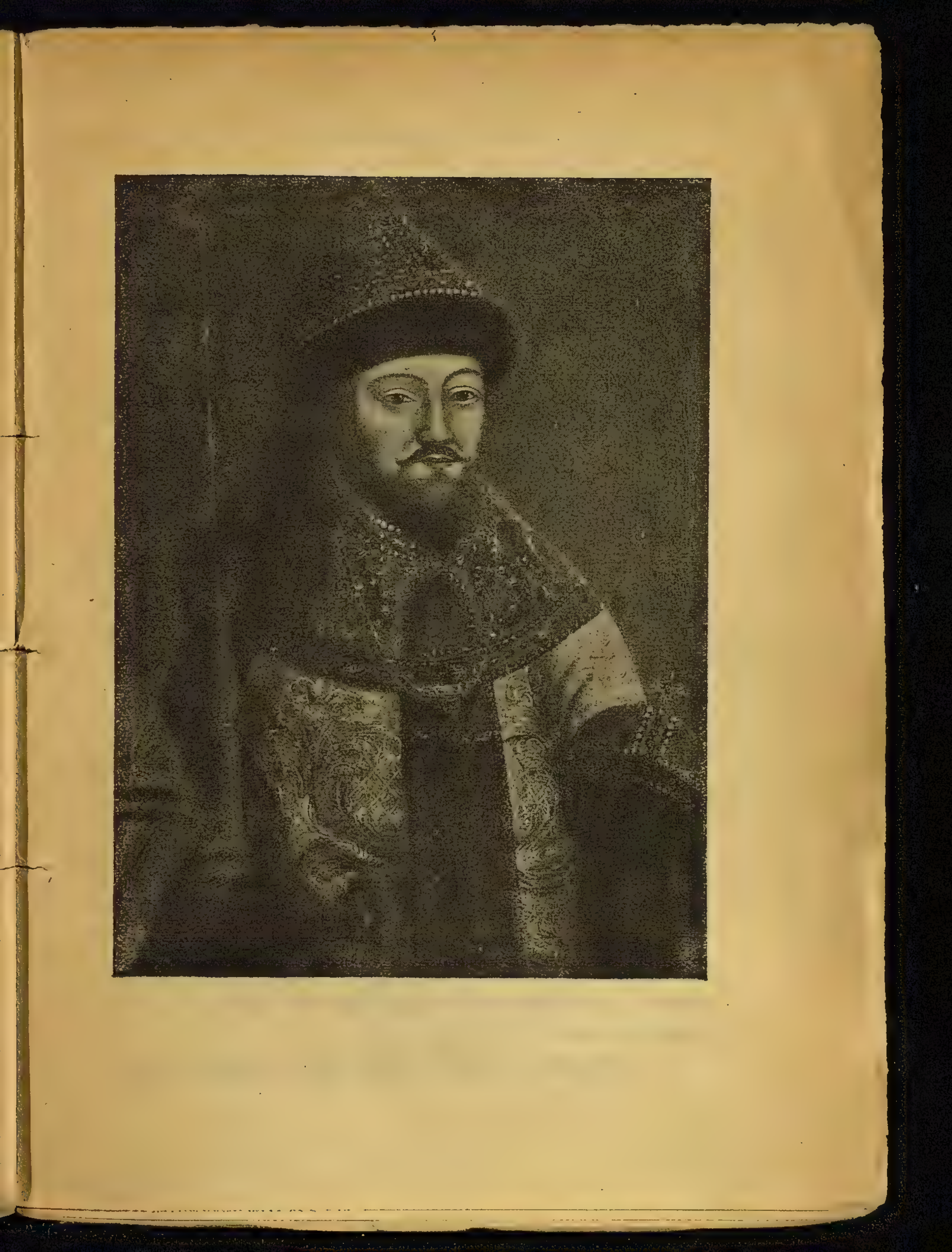
Нужно было поладить еще съ Новгородомъ, который представлялъ какъ-бы особое государство, и — съ засѣвшими въ Новгородѣ шведами. Съ новгородскими послами, предлагавшими избрать въ цари шведскаго королевича, велись очень искусные

переговоры съ той цѣлью, чтобы шведы не помѣшали идти подъ Москву. Эта цѣль была достигнута.

Въ Ярославлѣ предполагалось совершить и избраніе государя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ стоять «противъ общихъ враговъ». Но вѣсть о приближеніи къ Москвѣ гетмана Хоткѣвича съ войскомъ и запасами для польскаго гарнизона Москвы побудила Пожарскаго двинуться къ Москвѣ. Земская рать прошла черезъ Троицкій монастырь. 20-го августа она подошла къ Москвѣ и стала отдѣльно отъ казачьихъ таборовъ.

Приближеніе земской рати произвело смятеніе среди казаковъ. Атаманъ Заруцкій съ половиной рати (всего было около 5 тысячъ) поднялся и быстро ушелъ на Рязанскую украйну. Остальное казачье войско съ кн. Трубецкимъ колебалось и не разъ мѣняло настроеніе во время рѣшительнаго боя съ Хоткѣвичемъ. Бой былъ упорный. По разсказу лѣтописи, въ критическую минуту, когда силы поляковъ казались непреодолимыми, Кузьма召Мининъ выпросилъ у Пожарскаго отрядъ и самъ повелъ его въ бой, что способствовало окончательному пораженію гетмана. Хоткѣвичъ поспѣшно отступилъ отъ Москвы, оставивъ въ рукахъ русскихъ обозъ со всѣми запасами.

Послѣ пораженія Хоткѣвича польскій гарнизонъ въ Москвѣ продержался еще два мѣсяца. 22 го октября ополченіе взято штурмомъ Китай-городъ. Поляки, запертые со всѣхъ сторонъ въ Кремлѣ, открыли переговоры о сдачѣ. 26 го октября 1612 г.,

наконецъ, и Кремль былъ сданъ русскимъ. Москва была очищена отъ непріятеля.

Земскій подвигъ былъ завершенъ избраніемъ на царство новаго государя. Впрочемъ, для этого былъ созванъ грамотами отъ имени воеводъ и кн. Пожарскаго новый земскій соборъ изъ выборныхъ представителей всѣхъ чиновъ Московскаго государства. 21-го февраля 1613 г. на престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Во время вѣнчанія его на царство Минину было «сказано» думное дворянство. Стольникъ кн. Пожарскій былъ пожалованъ въ думные бояре.

Съ появленіемъ новой власти, признанной всей Землей, смута постепенно затихла, хотя отголоски ея были долго замѣтны въ государствѣ. Неудовлетворенныя народныя нужды не разъ приводили къ новымъ волненіямъ въ XVII в. Но земское движеніе, поднявшееся по почину посадскихъ тяглецовъ Нижняго-Новгорода, сдѣлало великое дѣло. Оно спасло государство отъ внѣшняго порабощенія и помогло возстановленію внутренняго порядка. Въ то время, когда московскіе бояре присягнули польскому королевичу Владиславу и готовы были совсѣмъ отдать Россію во власть польскаго короля, средніе классы, посадскіе люди и дворяне, не послѣдовали за ними. На земскихъ людяхъ и, въ частности, на нижегородцахъ исполнились ихъ собственныя слова, написанныя ими нѣкогда (въ 1611 г.) въ грамотѣ вологжанамъ:

«И всея такія пагубы родъ крестьянской (хри-

стіанскій) избавитъ Богъ нынѣшнимъ подвигомъ всѣхъ насъ; и то намъ отъ всемогущаго и преизряднаго Хитреца Бога... къ навѣчной славѣ и похвалѣ учинится за избаву крестьянскую, на воспоминаніе, на память душамъ нашимъ, во вся роды, впредь идущіе вѣки».

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

Историческаго отдѣла при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Подъ редакціей проф. В. И. Герье:

ЛЮДОВИКЪ IX. Король-подвижникъ. М. 1911 г. Ц. 12 к.
ЕРМОЛОВА, Н. Рабство и освобожденіе негровъ. М. 1915 г. Ц. 7 к.
КОВАЛЕНСКІЙ, М. Въ первый разъ кругомъ свѣта. М. 1914 г. Ц. 10 к.
Его же. Испанцы въ странѣ золота. М. 1915 г. Ц. 10 к.
КОВАЛЕНСКIЙ, М. Послѣдній царь Ацтековъ. М. 1913 г. Ц. 12 к.
Е. П. А. Огонь-просвѣтитель. М. 1915 г. Ц. 10 к.
ПОТЕМКИНА, В. Аттила бичъ Божій. М. 1915 г. Ц. 10 к.
Ея же. Орлеанская дѣва. М. 1914 г. Ц. 12 к.
УСПЕНСКІЙ, Паденіе Царь-Града. М. 1913 г. Ц. 10 к.
Его же. Слава Царь-Града. М. 1913 г. Ц. 10 к.
ЧЕРНЯЕВА. Царь Одиссей. М. 1901 г. Ц. 8 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ учен. библ. низш. учебн. завед. и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

КАТАЕВЪ, И. Императоръ Александръ I. Изд. 3-е, съ рис. М. 1915 г. Ц. 35 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ учен. библ. низш. учебн. завед. и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— **Даніилъ Романовичъ Галицкій. Галицкая Русь въ XIII и XIV вв. до присоединенія къ Польшѣ.** М. 1915 г. Ц. 8 к.

Допущено въ ученич. библіот. высш. начальныхъ и 2-хъ классныхъ сельскихъ училищъ.

— **Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи.** Историческій очеркъ. Изд. 3-е, съ рисунками. М. 1914 г. Ц. 15 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ первомъ изданіи въ учен. библ. низш. учеб. завед. и безплат. нар. библ. и читальни.

— **Смута въ Московскомъ государствѣ.** Историческій очеркъ. М. 1915 г. Ц. 15 к.

КИЗЕВЕТТЕРЪ, А. проф. **Петръ Великій за границей.** Изд. 4-е, съ портретомъ Петра Великаго и двумя рисунками. М. 1913 г. Ц. 10 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущено въ 2-мъ изданіи въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

КОВАЛЕНСКАЯ, А. Народные разсказы: Балашъ. Баранчикъ, Дядя Власъ, Исаевна, Кладъ, Крутиковъ, Мачеха, Ѳомушка. Ц по 10 к.
— **Смиренные.** Ц. 30 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены для библіотекъ народныхъ училищъ.

КОВАЛЕНСКОЙ, М. Ожерелье королевы. М. 1907 г. Ц. 7 к.

Мин. Нар. Просв. допущено въ ученич. библ. низшихъ учил. и безплатн. народныхъ чит. и бнбл.

МИРОНОВЪ, М. К. Біографіи и значеніе русскихъ писателей. Для городскихъ учил., учительск. семинарій и торг. школъ. Изд. 5-е. М. 1915 г. Ц. 50 к.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ третьемъ изданіи въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

МУРЗАЕВЪ, В. Творческая сказка. Вып. I. М. 1915 г. Ц. 30 к.
— **Современные методы объяснительнаго чтенія художественныхъ произведеній въ нач. школѣ.** Изд. 2-е. М. 1915 г. Ц. 75 к.
— **Педагогическій рисунокъ.** (Какъ рисовать на классной доскѣ). Изд. 2-е. М. 1916 г. Ц. 60 к.

ОЛФЕРЬЕВЪ, С. Сибирь. Очеркъ завоеванія и заселенія. Изд. 3-е М. 1915 г. Ц. 20 к.

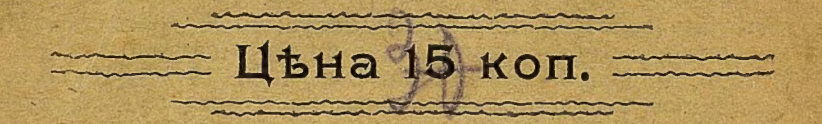
ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Очерки по Русской исторіи для школъ и народнаго чтенія.

Императоръ Александръ I. Изд. 3-е. Ц. 35 к.
Царь Алексѣй Михайловичъ и его время. Изд. 2-е. Ц. 12 к.
Богданъ Хмельницкій. Изд. 3-е. Ц. 15 к.
Стенька Разинъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к.
Смута въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII в. Изд. 3-е, 1915 г. Ц. 15 к.
Отечественная война. Сост. Н. Теплыхъ при участіи и подъ редакціей И. М. Катаева. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

Готовится къ печати историческій очеркъ

Московскій бояринъ въ домашнемъ быту и вотчинномъ хозяйствѣ.

Типографія Вильдѣ Москва